

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПЕХОТНАЯ БАЛЛАДА

Monstrous Regiment

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Плоский мир

Терри Пратчетт
Пехотная баллада

«ЭКСМО»

2003

Пратчетт Т.

Пехотная баллада / Т. Пратчетт — «Эксмо», 2003 — (Плоский мир)

Что делать миролюбивой стране, которую окружили вероломные, злобные, воинственные враги? Правильно – призвать на защиту Отечества своих верных сыновей. Только как поступить, если сыновей-то практически и не осталось, а те, что есть, как бы это помягче, недосчитались конечностей еще с прошлого похода. Вот и приходится сержанту Джекраму и капралу Страппи вербовать кого попало в славный полк «Тудой-судой» – ведь у Отечества есть и дочери, раз уж сыновья... закончились. Короче, вперед, парни, к победе!.. Э-э-э, то есть девушки! Впервые на русском языке!

© Пратчетт Т., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Терри Пратчетт

Пехотная баллада

Terry Pratchett

MONSTROUS REGIMENT

Copyright © 2003 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Полли отрезала волосы, стоя перед зеркалом, и почувствовала себя слегка виноватой из-за того, что ничуть этого не устыдилась. Волосы были ее главной гордостью, все говорили, что они чудесны, но за работой Полли обычно собирала их под сеточку. Она твердила себе, что природа зря старалась, но все-таки позаботилась, чтобы длинные золотые пряди до единой упали на расстеленный платок.

Если какие-то сильные чувства и владели ею в эту минуту, то исключительно разочарование при мысли о том, что Полли не понадобилось ничего, кроме стрижки, чтобы сойти за юношу. Не пришлось даже бинтовать грудь (Полли слышала, что так делают всегда). Природа позаботилась, чтобы здесь у нее трудностей не возникло.

Результат возни с ножницами получился... слегка странным, но не хуже, чем бывают иные мужские прически. Сойдет. По обнаженной шее прошел холодок, но не только потому, что Полли рассталась с длинными волосами. Она чувствовала Взгляд.

Герцогиня смотрела на Полли со стены над кроватью.

Это была скверная гравюра, раскрашенная вручную, преимущественно в два цвета – синий и красный. Она изображала пожилую женщину; отвисший подбородок и слегка выпученные глаза могли навести иного циника на мысль, что кто-то сунул ей в вырез платья рыбу, но в этом странном, безжизненном выражении лица художник сумел передать нечто большее. Глаза на некоторых портретах следят за тобой. Взгляд Герцогини пронизывал насквозь. Ее лицо было в каждом доме. Жители Борогравии росли с мыслью о том, что Герцогиня смотрит на них.

Полли знала, что такой же рисунок висит в комнате родителей. Когда мать была жива, каждый вечер она делала перед ним книксен. Полли протянула руку и перевернула гравюру лицом к стене. Внутренний голос сказал «нет». Но Полли одержала верх. Она уже решилась.

Потом она натянула братнину одежду, упаковала содержимое платка в мешочек, сунула его на дно сумки вместе с чистой рубашкой, положила записку на кровать, забрала вещи и вышла в окно. По крайней мере, в окно вышла Полли, но земли коснулись ноги Оливера.

Рассвет только-только превращал темный мир в монохромный, когда Полли проскользнула через двор харчевни. Герцогиня наблюдала за ней и с вывески. Отец всегда был верно-подданным, по крайней мере, пока не умерла мать. Вывеску в этом году не подновляли, ее засидели птицы, и казалось, что Герцогиня косит.

Полли удостоверилась, что тележка вербовщика по-прежнему стоит перед трактиром. Яркие флаги повисли, отяжелев от ночного дождя. Толстяк сержант вряд ли собирался отпра-

виться в путь раньше чем через несколько часов. У нее было много времени. Этот тип скорее всего принадлежал к тем, кто завтракает не торопясь.

Она вышла через калитку в задней стене и зашагала по холму. Добравшись до вершины, Полли обернулась и посмотрела на просыпающийся городок. Из нескольких труб поднимался дымок, но в харчевне еще никто не встал, поскольку Полли всегда поднималась первой и будила заспавшихся служанок. Она знала, что вдова Кламберс осталась ночевать (отец сказал: «Дождь слишком сильный, чтоб отпускать ее домой»), и, честно говоря, надеялась, что так будет и впредь – ради отца. В городе хватало вдов, а Ева Кламберс была добродушной особой, которая вдобавок превосходно пекла пироги. Долгая болезнь жены и отсутствие Поля измучили отца. Полли радовалась, что он вновь обретает силы. Старухи, которые проводят целые дни, сердито глаза из окошек, непременно будут все разнюхивать, злиться и ворчать, но так всегда было. Никто их уже не слушает.

Она подняла глаза. В прачечной Работной школы для девочек уже топили печи. Школа грозно нависала над окраиной городка – большая, серая, с высокими узкими окнами. Там всегда царила тишина. Когда Полли была маленькой, ей сказали, что туда отправляются Плохие Девочки. Но взрослые не объяснили, кто они такие, и к пяти годам у Полли сложилось смутное впечатление, что быть плохим значит не ложиться спать, когда велено. В восемь лет она поняла, что в Школу можно запросто угодить, если купить брату краски.

Она повернулась и зашагала между деревьев, исполненных птичьего пения.

Забудь, что ты Полли. Думай как мальчик. Вот что главное. Громко пускай газы и гордись этим, двигайся как марионетка, у которой наугад обрезали пару ниточек, никого не обнимай, а если встретишь приятеля – отвесь ему тумака. Работая за стойкой, Полли получила много материала для наблюдений. Зато ей не приходилось думать о том, чтобы не качать на ходу бедрами. Природа и здесь ее обделила.

Нужно научиться ходить по-мужски. По крайней мере, женщины качают только бедрами. У молодых людей шевелится буквально все, что ниже плеч. А еще надо занимать как можно больше места, подумала Полли. Тогда ты сам кажешься больше, совсем как кот, распушивший хвост. Она не раз видела это в харчевне, когда одни большие парни выставлялись перед другими большими парнями. Я злой, я плохой, я крутой, гони пинту имбирного пива, а то мама велит мне быть дома к девяти...

Ну-ка попробуем. Руки подальше от тела, будто несешь пару мешков с мукой... так. Плечи вперед-назад, словно проталкиваешься через толпу... так. Руки полусогнуты и ходят по кругу, будто вращаешь две рукоятки, прикрепленные к поясу... так. Ноги расслаблены, переступают по-обезьяньи... так...

Она благополучно прошла несколько метров, а потом что-то сбилось, мышцы не поняли, что нужно делать, и отправили Полли кувырком в куст остролиста. После этого она сдалась.

Тем временем послышался гром; порой гроза висела над горами целые дни. Но, по крайней мере, дорога не превратилась в реку грязи, а на деревьях еще оставалось достаточно листьев, чтобы укрыться от дождя. Некогда было ждать хорошей погоды, Полли предстоял долгий путь. Вербовщик наверняка переправился на пароме, но Полли знали в лицо все паромщики, и сторож потребовал бы пропуск, которого, разумеется, у Оливера Перкса не было. Значит, предстояло сделать крюк и добраться до троллевого моста в Тюбце. Для тролля все люди одинаковы, и любой клочок бумажки сойдет за пропуск, поскольку читать тролли не умеют. Потом она дойдет сосняком до Плюна. Вербовщик непременно остановится там на ночь. Плюн – одна из тех захолустных деревень, которые существуют лишь потому, что обширные пустые пространства на карте действуют на нервы. Никто там не знал Полли. Никто туда не ездил. Плюн – просто дыра.

Такое-то место ей и нужно. Вербовщик остановится там, и она запишется. Полли не сомневалась, что толстый сержант и грязный маленький капрал не обратили внимания на

девушку, которая подавала им еду накануне вечером. Она, как говорится, красотой не блистала. Капрал, впрочем, попытался ущипнуть ее за ягодицу, но скорее всего исключительно по привычке, как попытался бы прихлопнуть муху, да и какой это был щипок.

Полли остановилась на холме над переправой и позавтракала холодной картошкой и сосиской, наблюдая за паромом. Никого, кроме сержанта с капралом, в тележке не было. Парни из Мунца не спешили вступать в армию. Они предпочитали держаться подальше. В последние годы слишком много молодых людей ушли воевать и далеко не все вернулись. Да и вернулись порой не с полным комплектом конечностей. Капрал мог сколько угодно бить в большой барабан. Количество сыновей в Мунце сокращалось столь же быстро, как росло количество вдов.

День был жаркий и душный, и желтая славка следовала за Полли, перелетая с куста на куст. Над вчерашней грязью поднимался пар, когда Полли подошла к троллею мосту, висевшему над рекой в узком ущелье. Он был тонким и изящным – поговаривали, что его выстроили без известки. Поговаривали также, что благодаря своему весу мост еще прочнее держится за камни по обе стороны. А еще говорили, что мост – настоящее чудо света; впрочем, немногие местные жители верили в чудеса, не говоря уже о том, чтобы повидать свет. За проход брали один пенни (или сто золотых, если к пешеходу прилагался козел¹). На полпути Полли глянула через перила и увидела тележку вербовщика далеко-далеко внизу – она катила по узкой дороге над самой рекой.

Дальше тропа все время шла вниз, через темный сосняк в ущелье. Полли не спешила. Еще до заката она увидела постоялый двор. Вербовщики уже приехали, но, судя по всему, сержант даже не старался произвести впечатление. Никто не бил в барабан, как накануне, и не кричал: «Подходи записываться, молокососы! В «Тудой-судой» хорошо живется!»

Война была всегда. Чаще всего происходили стычки на границе – нечто вроде соседской ссоры из-за того, что чья-то изгородь непомерно разрослась, только в национальном масштабе. Порой дела обстояли еще хуже. Миротлюбивую Борогравию окружали вероломные, злобные, воинственные враги. Ведь если бы они не были вероломными, злобными и воинственными, мы бы с ними не сражались, не так ли? Война была всегда.

Отец Полли служил в армии, прежде чем получить в наследство от Поллиного дедушки «Герцогиню». О войне он почти не рассказывал. Он принес с собой саблю, но вместо того, чтобы повесить ее над очагом, ворошил ею огонь, словно кочергой. Иногда заходили старые друзья; закрыв ставни на ночь, они усаживались вокруг камелька, пили и пели. Маленькая Полли под разными предлогами оставалась и слушала песни, но развлечению пришел конец, когда она ввернула одно из самых интересных словечек в присутствии матери. Потом она подросла и стала подавать пиво; видимо, старшие решили, что она уже знает все интересные словечки – ну или скоро выяснит, что они значат. Кроме того, ее мать отправилась туда, где сквернословие не оскорбляет ничьих ушей и теоретически вообще не существует.

Солдатские песни были частью ее детства. Полли наизусть знала «Весь мир перевернулся», «Дьявол – мой сержант», «Джонни ушел на войну» и «Девушку я оставил». А когда было выпито уже достаточно, старики затягивали «Полковника Свинского» и «Зачем я ее поцеловал?».

Ну и конечно, «Душку Полли Оливера». Отец пел ее, когда маленькая Полли капризничала или грустила, и она смеялась, просто потому, что в песне упоминалось ее имя. Она запомнила слова, еще прежде чем узнала, что значит большинство из них. А теперь...

¹ Тролли соображают не быстро, но и обиды не забывают долго.

...Полли распахнула дверь. Сержант-вербовщик и капрал сидели за грязным столом. Они подняли глаза, задержав пивные кружки на полпути к губам. Полли сделала глубокий вдох, подошла и попыталась отсалютовать.

– Чего тебе, парень? – прорычал капрал.

– Хочу записаться, сэр!

Сержант уставил взгляд на Полли и осклабился, так что шрамы у него на лице странно задвигались, а подбородки задрожали. Его нельзя было назвать толстым – первым на язык проталкивалось слово «внушительный». Сержант принадлежал к тем людям, у которых вместо талии экватор. Воплощенная сила тяжести. Случись ему упасть – в любую сторону, – и он бы закачался, как яйцо. От солнца и спиртного его лицо побагровело, маленькие темные глазки мерцали на красном фоне, словно искры на лезвии ножа. На столе рядом с ним лежали две старомодные сабли – оружие скорее сродни мясническому ножу, чем мечу.

– И все? – уточнил он.

– Да, сэр!

– Правда?

– Да, сэр!

– Ты не хочешь, чтобы сначала мы напоили тебя до соплей? Такова традиция, знаешь ли.

– Нет, сэр!

– Если не ошибаюсь, я еще не рассказал тебе о замечательных возможностях сделать карьеру и подзаработать.

– Нет, сэр!

– Я упомянул, что в шикарном красном мундире у тебя отбою от девчонок не будет?

– Кажется, нет, сэр.

– А харчи? Если ты в наших рядах, каждый ужин – это пир! – сержант похлопал себя по животу, вызвав некоторое волнение в прилегающих областях. – Я тому живое доказательство!

– Да, сэр. Нет, сэр. Я просто хочу записаться и сражаться за мою страну во славу Герцогини, сэр.

– Правда? – недоверчиво спросил капрал, но сержант его как будто не слышал. Он оглядел Полли с головы до ног, и у нее возникло отчетливое ощущение, что этот тип не настолько пьян и глуп, как кажется.

– Похоже, капрал Страппи, нам достался настоящий патриот старой закалки, – сказал он, не сводя глаз с лица Полли. – Ну что ж, ты обратился к кому надо, мальчик. – Он с шуршанием извлек стопку бумаг. – Знаешь, кто мы такие?

– Десятый пехотный, сэр, известный также как «Тудой-судой», сэр, – сказала Полли с облегчением. Она явно прошла испытание.

– Правильно, парень. Старые добрые Сырцееды. Самый лучший полк, какой только есть, в самой лучшей армии на свете. Хочешь вступить, э?

– Чертовски хочу, сэр, – ответила Полли, чувствуя подозрительный взгляд капрала.

– Молодец, парень!

Сержант открыл чернильницу, обмакнул металлическое перо и занес его над листом.

– Как звать?

– Оливер, сэр. Оливер Перкс.

– Возраст?

– В воскресенье исполнилось семнадцать, сэр.

– Ага, конечно, – сказал сержант. – Если тебе семнадцать, то я – Великая Герцогиня Аннаговия. Пустился в бега, э? Сделал какую-нибудь дочку матерью?

– Да ему в одиночку не справиться, – с ухмылкой заметил капрал. – Он же пищит, как сосунок.

Полли поняла, что начинает краснеть. Но ведь и юный Оливер покраснел бы, не так ли? Нетрудно вогнать парня в краску. Полли проделывала это одним взглядом.

– Неважно, – отрезал сержант. – Поставь тут крестик, поцелуй Герцогиню – и ты мой со всеми потрохами, ясно? Меня звать сержант Джекрам. Я теперь тебе вместо отца и матери, а капрал Страппи – вместо старшего брата. Каждый день будешь лопать бифштексы и ветчину, а если кто захочет тебя забрать, ему придется тащить и меня заодно, потому что я буду держать тебя за шиворот. Можете не сомневаться, мистер Перкс, никому это не под силу. – Толстый палец уткнулся в бумагу. – Вот здесь.

Полли взяла перо и расписалась.

– Это что? – спросил капрал.

– Моя подпись, – ответила Полли.

Она услышала, как у нее за спиной открылась дверь, и обернулась. Несколько парней – точнее, *еще* несколько парней, мысленно оговорила Полли, – с шумом ввалились в трактир и подозрительно огляделись.

– Грамотный? – спросил сержант, посмотрев на новоприбывших и снова переведя взгляд на Полли. – Вижу, вижу. Красивый почерк, да. Такие, как ты, и выходят в офицеры. Дай ему шиллинг, капрал. И картинку не забудь.

– Слушаюсь, сержант, – капрал Страппи достал картинку в рамке с рукояткой, похожей на зеркало. – Чмокай сюда, рядовой Пукс.

– Перкс, сэр, – поправила Полли.

– Ну, Перкс. Целуй Герцогиню.

Это была дешевая копия знаменитой картины. Рисунок выцвел, и за потрескавшимся стеклом вырос мох. Задержав дыхание, Полли слегка коснулась Герцогини губами.

– На, – сказал Страппи и сунул ей что-то в руку.

– Что это? – спросила Полли, разглядывая бумажный квадратик.

– Считай, долговая расписка. Шиллингов у нас нехватка, – сказал сержант, а Страппи ухмыльнулся. – Но хозяин поставит тебе пинту эля за счет ее светлости.

Он повернулся и взглянул на новоприбывших.

– Однако вы прямо косяками идете. Хотите записаться, парни? А ведь мы даже в барабан не били. Наверное, все дело в удивительной харизме капрала Страппи. Подходи ближе, не стесняйся. Кто у нас следующий?

Полли взглянула на очередного новобранца с ужасом, который по мере сил постаралась скрыть. В сумерках она не разглядела его, потому что он был одет в черное. Не стильное, а пыльное черное, в таких костюмах обычно хоронят. Судя по виду, парень и впрямь не так давно прибыл с того света. Он изрядно зарос паутиной, а на лбу у него были швы.

– Как звать? – спросил Джекрам.

– Игорь, шэр.

Джекрам сосчитал швы.

– Так я, знаешь ли, и подумал, – сказал он. – Как вижу, тебе восемнадцать?

– *Пробудитесь!*

– Боги, боги... – командор Сэмюэль Ваймс прикрыл глаза руками.

– Прошу прощения, ваша светлость, – сказал анк-морпоркский консул в Злобении. – Вам нехорошо, ваша светлость?

– Как бишь тебя зовут, молодой человек? – переспросил Ваймс. – Прости, но я две недели в дороге, мало спал и весь день знакомился с людьми, у которых очень сложные имена. Это вредно для мозгов.

– Кларенс, ваша светлость. Кларенс Трепло.

– Трепло? – переспросил Ваймс, и на его лице Кларенс прочитал все.

– Боюсь, что так, сэр, – ответил он.

– В школе хорошо дрался?

– Нет, ваша светлость, зато никто не мог меня обогнать на дистанции в сто ярдов.

Ваймс засмеялся.

– Знаешь, Кларенс, любой национальный гимн, который начинается со слова «пробудитесь», рано или поздно приведет к неприятностям. Разве в кабинете патриция тебе этого не объяснили?

– Э... нет, ваша светлость.

– Значит, сам поймешь. Продолжай.

– Да, сэр. – Трепло откашлялся. – Национальный гимн Борогравии! – объявил он во второй раз.

Пробудитесь, *прошу прощения, ваша светлость*,
сыны Отчизны,
Довольно пить вино из кислых яблок.
Дровосеки, беритесь за топоры,
Фермеры, разите врага орудиями, которыми вы
прежде копали свеклу.
Расстроим бесчисленные козни наших недругов.
Мы с песнями шагаем во тьму,
Готовые сражаться против целого мира.
Видите золотой свет над вершинами гор?
Грядет новый день, и будет рыба!

– Э... – сказал Ваймс. – Последние слова...

– Это буквальный перевод, ваша светлость, – нервно объяснил Кларенс. – Значит, что-то вроде «отличная возможность» или «первый приз», ваша светлость.

– Когда мы не на людях, Кларенс, говори просто «сэр». «Ваша светлость» предназначена исключительно для того, чтобы впечатлить местных.

Ваймс откинулся на спинку неудобного кресла, подперев подбородок ладонью, и поморщился.

– Две тысячи триста миль, – сказал он, поерзав. – Чертовски холодно, когда путешествуешь на метле, даже если лететь невысоко. Потом лодка, потом карета... – он снова поморщился. – Я читал твой отчет. Как по-твоему, целая нация может сойти с ума?

Кларенс вздохнул. Он знал, что его собеседник – второй по влиятельности человек в Анк-Морпорке, но Ваймс вел себя так, как будто совершенно не подозревал о своем могуществе. Он сидел в холодной комнате в башне, за шатким столом, который до вчерашнего дня принадлежал коменданту кнекского гарнизона. На исцарапанной поверхности грудями лежали бумаги; они же громоздились и за креслом Ваймса.

Кларенс решил, что Ваймс вовсе не похож на герцога. Больше всего он походил на стражника, каковым, в общем, и являлся. Кларенса Трепло это оскорбляло. Те, кто стоит на вершине власти, должны выглядеть соответственно.

– Это... интересный вопрос, сэр, – сказал он. – Вы хотите сказать, что люди здесь...

– Не люди, а нация, – поправил Ваймс. – Борогравия, по-моему, спятила – судя по тому, что я прочел. Люди по мере сил выполняют свой долг и воспитывают детей – должен признать, что лично я сейчас предпочел бы заняться именно этим. Ты ведь понимаешь, о чем я. Вот люди, которые вроде бы ничем не отличаются от нас с тобой... но если собрать их в кучу, получается один огромный маньяк с государственными границами и национальным гимном.

– Отлично сказано, сэр, – дипломатично отозвался Кларенс.

Ваймс обвел взглядом комнату. Голые каменные стены. Узкие окна. Здесь чертовски холодно даже в солнечный день. Скверная пища, тряска, ночевки на дрянных кроватях... путешествие в темноте, на гномьих лодках, по секретным протокам под горами. Одним лишь богам известно, какую тонкую дипломатию пришлось пустить в ход Ветинари, чтобы это устроить, хотя Король-под-горой и впрямь был кое-чем обязан Ваймсу...

...и все это – ради холодного замка над холодной рекой, на границе между двумя дурацкими странами, ведущими дурацкую войну. Ваймс хорошо знал, чего ему хочется. Будь это уличные буяны, он бы не растерялся. Он бы стукнул их лбами и скорее всего сунул до утра в камеру. Но невозможно стукнуть лбами две страны.

Ваймс взял лист бумаги, покрутил и бросил обратно.

– К черту, – сказал он. – Что творится в крепости?

– Мне известно, что в некоторых труднодоступных частях еще остались очаги сопротивления, но противник уже практически подавлен. С тактической точки зрения, цитадель в наших руках. Это был отличный ход, ваша све... сэр.

Ваймс вздохнул.

– Нет, Кларенс, это была глупая старая уловка. Только идиот пропустит в крепость вражеских солдат, переодетых прачками. Да у троих из них были усы!

– Борогравцы в таких вопросах... довольно старомодны, сэр. Кстати говоря, в нижних подвалах мы, кажется, наткнулись на зомби. Жуткие твари. Судя по всему, здесь веками хоронили представителей высших военных чинов Борогравии.

– Правда? И что они там делают?

Кларенс поднял брови.

– Бродят, сэр. Я так думаю. Стонут. Как и положено зомби. Что-то их встревожило.

– Наверное, мы, – сказал Ваймс. Он встал, пересек комнату, открыл большую тяжелую дверь и крикнул: – Редж!

Через несколько секунд появился стражник и отсалютовал. Лицо у него было серое, и Кларенс не мог не заметить, что пальцы Реджа крепятся к ладони нитками.

– Ты уже видел констебля Башмака, Кларенс? – бодро спросил Ваймс. – Один из моих подчиненных. Мертв уже больше тридцати лет и наслаждается каждой минутой нежизни. Да, Редж?

– Так точно, мистер Ваймс, – ответил Редж, обнажая в ухмылке множество коричневых зубов.

– Здесь, в подвале, собрались твои соотечественники.

– Ну надо же. Бродят и стонут?

– Боюсь, что так, Редж.

– Тогда я пойду и перекинусь с ними словечком, – сказал Редж. Он снова отдал честь и вышел, слегка прихрамывая.

– Он... э... отсюда родом? – спросил побледневший Трепло.

– Нет-нет. Ну, сам знаешь – страна, откуда еще никто не возвращался и всё такое, – сказал Ваймс. – Он мертв, но, отдам Реджу должное, смерть его не остановила. А ты не знал, что в Страже служит зомби, Кларенс?

– Э... нет, сэр. Я пять лет не был в городе, – он сглотнул. – Судя по всему, многое изменилось.

Притом катастрофически, с точки зрения Кларенса Трепло. Служить консулом в Злобении было несложно – оставалось много свободного времени, чтобы заниматься своими делами. А потом в долине появились большие семафорные башни, и внезапно Анк-Морпорк оказался в часе пути. Раньше письмо из Анк-Морпорка шло больше двух недель, поэтому никто не волновался, если консул пару дней размышлял над ответом. Теперь ответа ожидали немедленно.

Кларенс обрадовался, когда борогравцы разрушили несколько треклятых башен. Но в результате разверзся ад.

– У нас в Страже кого только нет, – сказал Ваймс. – И мы, ей-богу, в них нуждаемся, Кларенс, особенно теперь, когда злобенцы и борогравцы дерутся на улицах из-за какой-то дурацкой ссоры, которая началась тысячу лет назад. Это хуже, чем гномы и тролли! И все потому, что чья-то светлейшая прапрапра– и так далее бабушка дала пощечину какому-то прапрапра– и так далее дедушке. Борогравия и Злобенция даже не условились насчет границы. Они назвали границей речку, которая меняет русло каждую весну! Иногда семафорные башни оказываются на борогравской земле, точнее, грязи, и тогда какие-то идиоты сжигают их по религиозным соображениям.

– Э... дело не только в этом, сэр, – сказал Трепло.

– Я знаю. Я читал историю. Ежегодная война со Злобенцией – своего рода местное развлечение. Борогравия дерется со всеми. Но почему?

– Национальная гордость, сэр.

– Чем они гордятся? Здесь ничего нет, кроме нескольких жировых шахт. Борогравцы неплохие фермеры, но у них нет ни памятников архитектуры, ни больших библиотек, ни знаменитых композиторов, ни высоких гор, ни потрясающих пейзажей. О Борогравии можно сказать только одно: она расположена именно здесь, а не где-то еще. Что в ней такого особенного?

– Думаю, для борогравцев она особенная, потому что они тут живут, сэр. Ну и конечно, Нугган. Их бог. Я принес вам «Книгу Нуггана», сэр.

– Я читал ее в Анк-Морпорке, Трепло, – ответил Ваймс. – По-моему, просто чепу...

– Вы читали не самое последнее издание, сэр. Сомневаюсь, что там, в городе, следят... за обновлениями. Вот этот экземпляр, сэр, содержит все поправки, – сказал Трепло, кладя небольшую, но увесистую книжку на стол.

– Поправки? Как это? – Ваймс озадаченно взглянул на него. – Священное Писание, оно... уже написано. Делай то, не делай этого, не желай вола ближнего твоего.

– Э... Нугган на этом не остановился, сэр. Он... э... вносит дополнения. Преимущественно в раздел Мерзостей, если быть точным.

Ваймс взял свежий выпуск. Он был заметно толще, чем привезенный из Анк-Морпорка.

– Эту книгу называют Живым Заветом, – объяснил Трепло. – Она... ну, можно сказать, умирает, если вывезти ее из Борогравии. Завет перестает... пополняться. Новейшие Мерзости в конце, сэр, – добавил он.

– То есть это священная книга с приложениями?

– Именно так, сэр.

– На скоросшивателе?!

– Да, сэр. Люди вкладывают пустые страницы, и записи... появляются сами собой.

– Чудесным образом?

– Я бы сказал, божественным, сэр.

Ваймс открыл книгу наугад.

– Шоколад? Нугган не любит шоколад?

– Да, сэр. Это Мерзость пред Нугганом.

– Чеснок? Положим, я тоже его не люблю, так что пускай... Кошки?

– О да. Он очень не любит кошек, сэр.

– Гномы?! Здесь сказано: «Народ гномов, что поклоняется Золоту, сие есть Мерзость пред Нугганом». Да он с ума сошел. И что случилось, когда об этом узнали?

– Гномы закрыли свои шахты и исчезли, ваша светлость.

– Да уж неудивительно. Они беду сразу чувствуют, – сказал Ваймс. На сей раз он простил Кларенсу «вашу светлость»: молодой человек явно испытывал удовольствие, разговаривая с герцогом.

Он полистал книгу и вдруг замер.

– Синий цвет?..

– Так точно, сэр.

– Что мерзостного в синем цвете? Это просто цвет! Небо тоже синее.

– Да, сэр. Ревностные нугганиты стараются на него не смотреть. Э... – Трепло, будучи профессиональным дипломатом, не любил все называть своими именами. – Нугган, сэр, э... довольно нервический бог, – наконец произнес он.

– Нервический? – переспросил Ваймс. – Нервический бог? Что, он жалуется, если дети шумят? Требуется выключать громкую музыку после девяти?

– Э... мы здесь наконец стали получать «Анк-Морпоркскую Правду», сэр... и я заметил, что Нугган... эээ... очень похож на тех, кто пишет жалобы в редакцию. Ну, вы понимаете, сэр. «Понаехали тут!» и прочее в том же духе.

– То есть он действительно спятил, – сказал Ваймс.

– Я ничего такого не хотел сказать, – поспешно возразил Трепло.

– И как с этим управляют священники?

– В общем... никак... сэр. Насколько я понимаю, они втайне смотрят сквозь пальцы на самые, э, радикальные Мерзости.

– Значит, нелюбовь Нуггана к гномам, кошкам и синему цвету – это не предел? Есть еще более безумные заповеди?

Трепло дипломатично кашлянул.

– Ну ладно, – проворчал Ваймс. – Более радикальные заповеди.

– Устрицы, сэр. Они ему не нравятся. Но это не беда, потому что никто здесь никогда и не видел устриц. А еще – дети. Они тоже Мерзость.

– И все-таки люди по-прежнему их заводят?

– Да, ваша све... простите, сэр. И чувствуют себя виноватыми. Лающие собаки – тоже Мерзость. И рубашки с шестью пуговицами. И сыр. Э... люди просто... избегают самых сложных требований. Даже священники, кажется, уже не пытаются их объяснить.

– И я, кажется, понимаю почему. Итак, мы в стране, пытающейся жить по законам бога, который, судя по всему, надевает подштанники на голову. Кстати, Нугган еще не объявил подштанники Мерзостью?

– Нет, сэр, – Трепло вздохнул. – Но, вероятно, это лишь вопрос времени.

– И как же люди терпят?

– В наши дни они по преимуществу молятся Герцогине Аннаговии. Ее изображения висят в каждом доме. Ее называют «Матушка».

– Ах да, Герцогиня. Я ее увижу?

– Нет-нет, к ней никого не пускают, сэр. Никто, кроме слуг, не видел Герцогиню вот уже более тридцати лет. Честно говоря, сэр, она, возможно, уже умерла.

– Возможно?

– Никто не знает наверняка. Официальная версия гласит, что она скорбит по мужу. Печальная история, сэр. Молодой герцог скончался спустя неделю после свадьбы. Его растерзал дикий кабан на охоте. Чтобы оплакать его, Герцогиня затворилась в старом замке Князь-МармадюкПётрАльбертГансЙозефБернгардВильгельмсберг и с тех пор не появлялась на публике. Официальный портрет написали, когда ей было около сорока.

– У нее нет детей?

– Нет. Когда она умрет, род прервется.

– И люди ей молятся? Как богу?

Трепло вздохнул.

– Я упоминал об этом в своих докладах, сэр. Представители правящего дома Борогравии всегда имели полубожественный статус. Они возглавляют церковь, и крестьяне молятся им,

надеясь, что герцоги замолвят за них словечко перед Нугганом. Они некоторым образом... местночтимые святые. Посредники между небом и землей. Честно говоря, в здешних краях это главное правило. Если хочешь сделать дело, знай, к кому обратиться. Наверное, проще молиться человеку на портрете, чем богу, которого не видишь.

Ваймс некоторое время сидел, глядя на консула. Когда он заговорил, Кларенс перепугался до полусмерти.

– Кто ей наследует? – спросил Ваймс.

– Сэр?..

– Я следую монархической логике, мистер Трепло. Если Герцогиня покинет трон, кто займет ее место?

– Э... это очень сложно, сэр, в силу кровнородственных браков и различных юридических систем, как-то...

– На кого ставить деньги, мистер Трепло?

– Э... на князя Генриха Злобенского.

К удивлению Трепло, Ваймс рассмеялся.

– И он, наверное, сейчас гадает, как там тетушка. Если не ошибаюсь, я видел его утром. Не могу сказать, что он мне понравился.

– Но он друг Анк-Морпорка, – с упреком заметил Трепло. – Я об этом тоже писал. Он человек образованный. Его очень интересуют клик-башни. У князя огромные планы в отношении этой страны. Прежде Злобенция тоже поклонялась Нуггану, но он запретил старую религию, и, надо сказать, никто особенно не возражал. Князь хочет, чтобы Злобенция шла вперед. Он восхищается Анк-Морпорком.

– Да, знаю. По-моему, он такой же ненормальный, как и Нугган, – сказал Ваймс. – Насколько я понимаю, здесь плетется замысловатая интрига, цель которой – вывести Генриха из игры. Как управляют Борогравией?

– Ничего особо сложного. Собирают налоги – и, в общем, всё. Высшие придворные чины ведут себя так, как будто Герцогиня жива. Единственное, что по-настоящему функционирует в Борогравии, так это армия.

– А стража? Любой стране нужны стражники. По крайней мере, они-то твердо стоят на земле.

– Неформальные гражданские комитеты следят за исполнением заветов Нуггана, сэр.

– О боги. Иными словами, они всюду суют нос, отдергивают занавески и всячески бдят, – сказал Ваймс.

Он встал и посмотрел через узкое окно на далекую равнину. Стояла ночь. Костры вражеского лагеря складывались в темноте в зловещие созвездия.

– Кларенс, тебе объяснили, зачем меня прислали сюда? – спросил он.

– Нет, сэр. Мне сообщили, что вы... э... будете наблюдать за происходящим. Князь Генрих не в восторге, сэр.

– Что ж, интересы Анк-Морпорка – это интересы всех людей, которые любят деньги... то есть, прошу прощения, свободу. Нельзя иметь под боком страну, которая заворачивает наши почтовые кареты и исправно уничтожает клик-башни. Это слишком дорого обходится. Борогравия делит континент пополам, точно перемычка в песочных часах. И я должен добиться «удовлетворительного» исхода. Честно говоря, Кларенс, мне интересно, стоит ли вообще нападать на Борогравию. Дешевле будет просто сесть и подождать, пока она не взорвется сама. Хотя лично я полагаю... где же этот отчет?... ах, да. Что раньше она вымрет от голода.

– К сожалению, так, сэр.

Игорь молча стоял перед столом вербовщика.

– В последнее время вы, ребята, мне редко попадались, – сказал Джекрам.

– Должно быть, закончились свежие мозги, – ехидно заметил капрал.

– Придержи язык, капрал, – Джекрам откинулся на спинку скрипучего кресла. – В Борогравии полно парней, которые не расхаживали бы теперь на двух ногах, если бы рядом не оказалось дружелюбного Игоря. Так, Игорь?

– Да? Ну а я слышал, люди порой просыпались и понимали, что какой-нибудь дружелюбный Игорь посреди ночи вытащил у них мозги и слинял, чтобы их продать! – заявил капрал, злобно глядя на Игоря.

– Клянущь, ваши мозги в шовершенной безопасности, капрал, – сказал Игорь. Полли рассмеялась, но замолчала, как только поняла, что никто не последовал ее примеру.

– Да-да, а один сержант рассказывал, как Игорь пришил солдату ноги задом наперед! – продолжал капрал Страппи. – Немного от этого проку, сэр!

– Он шможет одновременно наштупайт и отштупайт, – бесстрастно ответил Игорь. – Шержант, я знайт ваши иштории, и вше это злоштный клевета. Я вшего лишь хочу шлужить моей штрانه. Неприятношти мне не нужны.

– Вот именно, – сказал сержант. – Нам тоже. Ставь крестик и пообещай, что не будешь мудрить с мозгами капрала Страппи. Как, еще одна подпись? Ей-богу, сегодня завербовался целый университет! Дай ему картонный шиллинг, капрал.

– Шпашибо, – отозвался Игорь. – И, ешли вы пошволяйт, я протру картинку.

Он достал платок.

– Протрешь? – переспросил Страппи. – Сержант, это дозволяется?

– Зачем тебе ее вытирать, мистер? – поинтересовался Джекрам.

– Чтобы штирайт невидимых демонов, – ответил Игорь.

– Я не вижу никаких невиди... – начал Страппи и запнулся.

– Оставь его в покое, – велел Джекрам. – Это их, Игоревы, штучки.

– Неправильно это, – проворчал Страппи. – Сегодня Герцогиню он протрет, а завтра родину...

– Нет ничего такого в том, чтобы умыть старушку, – отрезал сержант. – Следующий. Э...

Игорь, осторожно вытерев грязное стекло, слегка коснулся его губами и встал рядом с Полли, робко улыбаясь. Но она во все глаза смотрела на следующего рекрута.

Он был невысок, довольно строен – ничего удивительного, ведь в Борогравии редко удавалось раздобыть достаточно еды, чтобы потолстеть, – и тоже в черном, но как настоящий аристократ; у него даже была шпага. Сержант недаром встревожился. Ничего не стоит влезть в неприятности, если неправильно выбрать слова в разговоре с юнцом, у которого, возможно, есть влиятельные друзья.

– Вы уверены, что не ошиблись адресом, сэр? – спросил он.

– Да, сержант. Я хочу записаться.

Сержант Джекрам неуютно заерзал.

– Да, сэр, но я сомневаюсь, что благородный юноша вроде вас...

– Вы запишете меня или нет, сержант?

– Не так уж часто благородные господа записываются рядовыми, сэр, – пробормотал сержант.

– Вы хотите знать, сержант, не охотятся ли за мной? Не обещана ли плата за мою голову? Нет.

– А как насчет толпы с вилами? – спросил капрал Страппи. – Он же треклятый вампир, сержант! Это любому ясно! У него Черная Ленточка! И значок!

– На котором написано «Ни капли», – спокойно заметил молодой человек. – Ни капли человеческой крови, сержант. Я принес клятву почти два года назад, вступив в Лигу воздержания. Разумеется, если у вас есть личные претензии, сержант, изложите мне их в письменной форме.

Умно сказано, подумала Полли. Эта одежда стоит немалых денег. Большинство вампирских семей невероятно богаты. Никогда не угадаешь, кто с кем связан. И хлопот от этих «с кем» бывает гораздо больше, чем от обычных «кто». Сержант мысленно обозрел скользкий путь и решил на него не ступать.

– Надо идти в ногу со временем, капрал. И солдаты нам нужны.

– Да, но вдруг он захочет высосать всю мою кровь посреди ночи? – спросил Страппи.

– Тогда ему придется подождать, пока рядовой Игорь закончит искать твои мозги! – рявкнул сержант. – Подпишитесь здесь, мистер.

Перо зацарапало по бумаге. Через несколько минут вампир перевернул листок и продолжил на другой стороне. У вампиров длинные имена.

– Но вы можете звать меня Маладикт, – сказал он, втыкая перо в чернильницу.

– И спасибо вам большое, сэр... то есть рядовой. Дай ему шиллинг, капрал. Хорошо, что он не серебряный, э? Ха-ха!

– Да, – ответил Маладикт. – Хорошо.

– Следующий! – крикнул сержант.

Полли увидела, как юный крестьянин в штанах, подвязанных бечевкой, подошел к столу и уставился на металлическое перо – обиженно и озадаченно, как человек, впервые столкнувшийся с новейшими технологиями.

Полли подошла к стойке. Трактирщик взглянул на нее так, как всегда смотрят никудышные хозяева. Отец говорил: если ты держишь трактир, то либо любишь людей, либо сошел с ума. Как ни странно, некоторые безумцы лучше всех варили пиво. Но, судя по здешнему запаху, трактирщик из Плюна не принадлежал к их числу.

Полли облокотилась на стойку.

– Пинту пива, пожалуйста, – сказала она. Трактирщик нахмурился и отправился к бочонкам. Полли не сомневалась, что на ночь под текущий кран он подставляет помойное ведро, которое потом опорожняет в бочку, что забывает воткнуть обратно затычку, что пиво тут кислое и... да, что его подадут в кожаной кружке, которую никогда не моют.

Двое новых рекрутов, впрочем, уже допивали свои порции с очевидным наслаждением. Но, в конце концов, это Плюн. Здесь сойдет любое пойло, лишь бы ты забыл, где находишься.

Один из парней сказал:

– Отличное пиво, а?

Сосед рыгнул и ответил:

– Лучше и не пробовал.

Полли понюхала содержимое. Отбросы, которые так воняют, она и свиньям не рискнула бы скормить. Она отхлебнула и тут же передумала. Именно свиньям она бы это и вылила. Полли сказала себе, что эти парни наверняка никогда раньше не пробовали пива. В точности как говорил отец. В Борогравии уйма юнцов, готовых записаться в армию ради пары штанов, на которые больше никто не претендует. Они выпьют любую дрянь и притворятся, что им хорошо, они же настоящие мужчины, эй, парни, ну и надрались мы вчера, правда? А потом...

О боги... и тут она вспомнила. Интересно, какой здесь туалет. Мужская уборная на заднем дворе «Герцогини» была довольно жуткой. Полли по утрам выливала туда два больших ведра воды, стараясь не дышать. На каменном полу рос какой-то странный зеленый мох. При этом «Герцогиня» считалась приличным трактиром. Тамошние постояльцы снимали сапоги, прежде чем лечь спать.

Она прищурилась. Этот стоявший перед ней идиот, обладатель одной длинной брови на ставке двух, подавал какие-то помои и вонючий уксус людям, которые собирались на войну...

– Это пиво, – заметил справа Игорь, – на вкус как лошадиная моча.

Полли отшатнулась. Разговор был убийственный даже для такого трактира.

– А ты пробовал, что ли? – спросил трактирщик, нависая над Игорем. – Ты, что ли, лошадиную мочу пил?

– Да, – ответил Игорь.

Трактирщик поднес к его лицу кулак.

– А теперь послушай меня, ты, шепелявый маленький...

Тонкая рука в черном рукаве мелькнула с удивительной скоростью, бледные пальцы схватили грубияна за запястье, и единственная бровь искривилась от боли.

– Это ты послушай, – спокойно сказал Маладикт. – Мы солдаты Герцогини, тебе понятно? Просто скажи «ой-ой-ой».

Должно быть, он слегка нажал. Трактирщик застонал.

– Благодарю. Под видом пива ты подаешь нам пойло, которое в лучшем случае можно назвать вонючей водой, – продолжал Маладикт тем же спокойным и даже добродушным тоном. – Я, конечно, не пью... лошадиную мочу, но у меня высокоразвитое обоняние. Честно говоря, я предпочел бы не перечислять вслух те вещи, которые я чувствую в этом месиве, поэтому назовем их для краткости «крысиный помет» и закончим разговор, согласен? Можешь заскучить. Вот и молодчина.

На дальнем конце стойки кого-то из новобранцев вырвало. Пальцы у трактирщика побелели. Маладикт удовлетворенно кивнул.

– Вывести из строя солдата ее светлости в военное время – это приравнивается к измене, – сказал он и слегка подался вперед. – И карается, конечно же, смертью. – Маладикт произнес это слово с несомненным удовольствием. – Тем не менее, если вдруг здесь найдется бочонок пива... хорошего пива, которое ты приберегаешь для друзей, если они у тебя есть, тогда, несомненно, мы позабудем этот маленький инцидент. Сейчас я тебя отпущу. Судя по твоей брови, ты о чем-то думаешь. Если ты думаешь о том, чтобы вернуться сюда с большой палкой, то подумай лучше вот об этой черной ленточке, которую я ношу. Ты знаешь, что она означает?

Трактирщик поморщился и выдавил:

– Лига воздерж...

– Вот именно! Совершенно верно! – воскликнул Маладикт. – И подумай еще вот о чем, если в твоей голове осталось свободное место. Я принес обет всего-навсего не пить человеческой крови. Ничто не помешает мне пнуть тебя между ног с такой силой, что ты оглохнешь.

Он разжал пальцы. Трактирщик медленно выпрямился. Полли не сомневалась, что под стойкой у него лежит короткая деревянная дубинка. Такая была в каждом трактире. Даже в «Герцогине». Отец говорил, что во дни тревог и сомнений дубинка одна поддержка и опора. Полли увидела, что пальцы левой руки подергиваются...

– Не надо, – предупредила она. – Он серьезно.

Трактирщик обмяк.

– Мы чуток друг друга не поняли, господа, – пробормотал он. – Я перепутал бочонки. Сейчас все будет.

Он заковылял прочь. Помятая рука у него заметно дрожала.

– Я просто сказал, что это лошадиная моча, – заметил Игорь.

– Неприятностей не бойся, – сказала Полли Маладикту. – Отныне и навсегда он твой друг. Он понял, что не сможет тебя избить, – а значит, станет твоим лучшим товарищем.

Маладикт задумчиво взглянул на нее.

– Я-то в курсе, – ответил он. – А ты откуда знаешь?

– Я работал в трактире, – сказала Полли и почувствовала, что сердце у нее забилося быстрее. Как всегда, когда ложь громоздилась на ложь. – Там научишься разбираться в людях.

– И что ты делал?

– Подавал пиво.

– Что, в этой дыре есть второй трактир?

– Нет, нет. Я не из этих мест.

Полли застонала при звуке собственного голоса. Она ждала вопроса: «Так зачем было ехать сюда, чтобы записаться?», – но ничего не последовало. Маладикт просто пожал плечами и сказал:

– По-моему, тут вообще нет местных.

В трактире появились еще несколько новобранцев. Все они выглядели одинаково – смущенные и слегка нахальные, в одежде не по росту. Бровастый трактирщик появился с небольшим бочонком, почтительно поставил его на стойку и аккуратно открыл. Из-под стойки он извлек настоящую оловянную кружку, наполнил ее и робко протянул Маладикту.

– Игорь? – сказал вампир, жестом отказываясь от пива.

– Я предпочту лошадиную мочу, ешли вы не возражаете, – ответит тот и огляделся, потому что вокруг разом воцарилась тишина. – Шлушайте, я же не говорил, што мне не понравилошь. – Он подтолкнул кружку по липкой стойке. – Налей того же шамого.

Полли взяла чистую кружку, понюхала, потом отпила.

– Неплохо, – сказала она. – По крайней мере, на вкус как...

Дверь распахнулась, и в трактир ворвался вой ветра. В комнату просунулись две трети тролля, а следом кое-как и все остальное.

Полли не возражала против троллей. Иногда она встречала их в лесу – они сидели под деревом или целенаправленно брели по своим тролльим делам. Они не стремились к дружбе – они просто... смирились. Мир населен людьми, ничего не поделаешь. Люди не стоят несварения желудка. Всех их не убьешь. Значит, уступи дорогу. А если предпочитаешь не уступать, а наступать на них – жди неприятностей.

Время от времени фермеры нанимали троллей на какую-нибудь тяжелую работу. Иногда тролль приходил, иногда нет. Порой он являлся, лениво брел по полю, выдергивая по пути пни, как морковки, и уходил, не дожидаясь платы. Многое из того, что делали люди, озадачивало троллей, и наоборот. Как правило, люди и тролли избегали друг друга.

Но Полли редко видела таких... стопроцентных троллей, как этот. Он походил на валун, который пролежал сотни лет в сыром сосняке. Его покрывали лишайники, серый мох прядями свисал с головы и подбородка, в одном ухе торчало птичье гнездо, в руке была настоящая тролля дубина из молодого деревца корнями вверх. Это был почти анекдотический тролль, только никто не засмеялся.

Троль, постукивая корнями дубины по полу, подошел к столу под взглядами новобранцев и перепуганного капрала Страппи.

– Хочу, ета, записаться, – сказал он. – Хочу, ета, исполнить долг. Гоните шиллинг.

– Ты же тролль! – не выдержал Страппи.

– Ну, ну, капрал, – вмешался сержант Джекрам. – Ни о чем не спрашивай, ничего не говори.

– Не спрашивать? Не спрашивать?! Сержант, да это же тролль! Самый что ни на есть утесистый тролль! У него под ногтями трава растет! Это тролль!

– Точно так, – сказал Джекрам. – Запиши его.

– Ты хочешь с нами сражаться? – пискнул Страппи.

У троллей нет чувства личного пространства, и тонна, строго говоря, дикого камня нависла прямо над столом.

Троль проанализировал вопрос. Рекруты стояли молча, забыв донести кружки до рта.

– Нет, – наконец ответил тролль. – Хочу, ета, сражаться с врагом. Боги храни енту... – он задумался, глядя в потолок. Не найдя там искомого, тролль посмотрел на свои ноги, поросшие травой, затем на свободную руку и подвигал пальцами, как будто что-то считал. – ...Герцо-

гиню, – закончил он. Ждать пришлось долго. Стол скрипнул, когда он положил на него руку ладонью вверх. – Гоните шиллинг.

– У нас только бумаж... – начал Страппи. Сержант Джекрам двинул его локтем в ребра.

– Ты спятил, черт возьми? – прошипел он. – Если мы запишем тролля, нам дадут премию как за десятерых рекрутов! – Он полез в карман, вытащил настоящий серебряный шиллинг и осторожно опустил на огромную ладонь. – Добро пожаловать в новую жизнь, дружище. Сейчас запишу твоё имя. Как тебя звать?

Троль посмотрел на потолок, на ноги, на сержанта, на стенку и на стол. Полли видела, как у него двигаются губы.

– Карборунд? – неуверенно спросил он.

– Да, наверное, – сказал сержант. – Э... не мог бы ты побрить... срезать воло... в смысле, мох? У нас на этот счет... э... некоторые правила.

Стенка, пол, потолок, стол, пальцы, сержант.

– Нет, – ответил Карборунд.

– Ладно. Ладно. Ладно, – поспешно сказал сержант. – Не то чтобы это строгое правило... скорее рекомендация. По-моему, глупая. Я всегда так думал. Рад, что ты с нами, – энергично добавил он.

Троль лизнул монетку, которая сверкала в его руке, как бриллиант. У него действительно растет трава под ногтями, заметила Полли. Карборунд подошел к стойке. Толпа немедленно расступилась: троллям не приходится стоять в заднем ряду и размахивать деньгами в тщетной попытке привлечь внимание трактирщика.

Он разломил шиллинг пополам и бросил обе половинки на стойку. Бровастый сглотнул. На лице у него было написано «Ты уверен?», хотя с таким вопросом не обращаются к посетителям весом больше тонны. Карборунд ненадолго задумался и сказал:

– Гони, ета, выпить.

Бровастый кивнул, ненадолго исчез в задней комнате и выскочил с двуручной кружкой. Маладикт чихнул, у Полли заслезились глаза. Запах ударял не только в нос, но и в зубы. В этом трактире, разумеется, варили дрянное пиво, но это был самый едкий уксус.

Трактирщик бросил в него половинку монеты, потом достал из ящика с мелочью медный пенни и подержал над дымящейся кружкой. Троль кивнул. С безыскусной торжественностью, как официант, втыкающий маленький зонтик в коктейль «Двойное грандеву», Бровастый разжал пальцы.

Со дна поднялись пузырьки. Игорь наблюдал с интересом. Карборунд взял кружку двумя пальцами каждой руки, похожей на лопату, и одним глотком опорожнил. Секунду он постоял неподвижно, а потом осторожно поставил кружку на стойку.

– Вы, парни, лучше немного отойдите, – шепнул Бровастый.

– А что сейчас будет? – спросила Полли.

– Действует на кого как, – протянул трактирщик. – Похоже, что этот... а, нет, уже.

Карборунд классическим образом рухнул. Никаких согнутых коленок, никаких боязливых попыток смягчить падение. Он упал, как стоял, и несколько раз качнулся с боку на бок. Его вытянутая вперед рука теперь торчала в потолок.

– Силенок не хватает, – объяснил Бровастый. – Обычное дело для молодых. Разыгрывают из себя крутых троллей, приходят сюда, заказывают «Электрический мозголом» и не справляются.

– Он придет в себя? – спросил Маладикт.

– Не. Сдается мне, вырубился до рассвета, – сказал Бровастый. – У них просто мозги перестают работать.

– Ну, ему это вряд ли грозит, – сказал капрал Страппи. – Эй вы, кучка оборванцев! Спать будете в сарае на заднем дворе, ясно? Сарай практически водонепроницаемый, почти без крыс. Выступаем на рассвете. Теперь вы в армии!

Полли лежала в темноте, на подстилке из затхлой соломы. Никто даже и не подумал раздеться перед сном. Дождь барабанил по крыше, ветер задувал в щель под дверью, хотя Игорь и постарался заткнуть ее соломой. Новобранцы вели довольно бессвязную беседу, из которой Полли поняла, что в одном сарае с ней находятся Кувалда Холтер, Зыркий Маникль, Уолти Гум и Дылда Тьют. У Маладикта и Игоря прозвищ не оказалось. Полли, с общего одобрения, стала Ози.

К некоторому удивлению Полли, парень, отныне известный как Уолти, достал из сумки маленький портретик Герцогини и с волнением повесил его на старый гвоздь. Никто ничего не сказал, пока он молился. Ведь именно это и положено делать.

Поговаривают, что Герцогиня умерла...

Полли мыла посуду однажды поздно вечером, когда услышала мужской разговор. Плоха та женщина, которая не умеет подслушивать и одновременно шуметь.

Умерла. Но в КнязьМармадьюкПётрАльбертГансЙозефБернгардВильгельмсберге этого не признают. У Герцогини нет детей, а знать вся пережилась на своих кузинах и бабушках, поэтому герцогский трон должен отойти князю Генриху Злобенскому. Ничего себе! Представляете? Вот почему ее никто никогда не видел. И за столько лет не написали ни одного нового портрета. Невольно задумаешься, да? Конечно, утверждают, что она оплакивает молодого герцога, но ведь он умер семьдесят лет назад. Говорят, ее похоронили тайно и...

...и тут отец велел болтуну замолчать. Бывают разговоры, после которых меньше всего хочется, чтобы тебя запомнили как свидетеля.

Мертвая или живая, Герцогиня смотрит на тебя.

Новобранцы пытались спать.

Время от времени кто-нибудь рыгал или громко пускал ветры, и Полли старательно отвечала тем же. Это как будто побуждало остальных удвоить усилия, так что погромыхивала крыша и осыпалась пыль; потом все успокаивались. Пару раз Полли слышала, как кто-то, пошатываясь, выходил во двор, на холод и в темноту, теоретически – в сортир, но скорее всего, учитывая мужское нетерпение в подобных делах, куда поближе. Однажды, когда она в очередной раз вынырнула из беспокойного сна, ей показалось, что кто-то всхлипывает.

Стараясь не шуметь, Полли вытащила последнее письмо от брата – сложенное до маленького квадрата, зачитанное до дыр, испещренное пятнами до черноты – и перечитала его при свете одинокой оплывшей свечи. Оно было вскрыто, изувечено военной цензурой и отмечено печатью Герцогини. Письмо гласило:

Дорогие все, мы в xxx, который в xxx, и xxx это такая большая штука с набалдашником. В xxx мы будем xxx и это неплохо, потому что xxx. У меня все хорошо, нас кормят xxx. xxx мы xxx в xxx но мой приятель xxx говорит, что беспокоиться не надо, все закончится xxx и нам дадут медали.

Не унывайте!

Поль.

Письмо было написано аккуратным, чрезмерно опрятным, старательным почерком человека, вынужденного задумываться над каждой буквой. Полли медленно сложила его. Поль мечтал о медалях, потому что они блестят. Он ушел почти год назад, когда каждый вербовщик, проезжавший мимо, увозил с собой полбатальона, и новобранцев провожали с флагами и музы-

кой. Теперь они понемногу возвращались. Те, кому по-настоящему повезло, потеряли только одну руку или ногу.

И никаких флагов.

Полли развернула второй листок. Это было воззвание, озаглавленное «От матерей Борогравии!!» «Матерям Борогравии» не терпелось отправить сыновей в Бой со Злобенским Агрессором!! – и они выражали свое желание при помощи множества восклицательных знаков. Полли это казалось очень странным: в Мунце женщины не особенно радовались тому, что их сыновья могут пойти на войну, и всячески старались их удержать. Несколько экземпляров воззвания, впрочем, все равно лежали в каждом доме, ведь оно было очень патриотичным – то есть утверждало, что иностранцев надо убивать.

Полли научили читать и писать, следуя обычаю, так как трактир был большой и приходилось вести дела – например, считать и записывать. Мать научила Полли читать, потому что Нугган этого не запрещал, а отец проследил, чтобы она научилась писать вопреки всем запретам. Отец Юпк утверждал, что женщина, умеющая писать, сие есть Мерзость пред Нугганом: все, что она напишет, по определению будет ложью.

Но Полли все равно научилась, потому что Поль так и не одолел грамоту – по крайней мере, настолько, чтобы управлять таким бойким трактиром, как «Герцогиня». Он читал, медленно водя пальцем по строчкам, и писал со скоростью ползущей улитки, старательно выводя буквы и тяжело дыша, будто корпел над ювелирным украшением. Поль был большой, добрый, медлительный, он поднимал бочонки с пивом как игрушечные, но бумажная работа приводила его в замешательство. Отец намекал Полли – деликатно, но часто, – что ей придется помогать брату, когда он станет хозяином «Герцогини». Если предоставить Поля самому себе и не подсказывать, что делать дальше, он будет просто стоять столбом и смотреть на птичек.

По настоянию Поля она целиком прочла ему «От матерей Борогравии!!», в том числе про героев и про то, что нет лучше доли, чем умереть за свою страну. Теперь Полли об этом жалела. Поль всегда поступал именно так, как ему велели. К сожалению, он и верил в то, что ему велят.

Полли убрала бумаги и снова задремала, пока мочевой пузырь не дал о себе знать. По крайней мере, можно было не бояться, что в такую пору ей помешают. Она кое-что достала из сумки и как можно тише вышла под дождь.

В основном он капал с деревьев, гудевших от ветра. Луна скрылась за облаками, но света было достаточно, чтобы рассмотреть строения во дворе. Серые очертания намекали, что скоро рассвет – ну или то, что считалось рассветом в Плюне. Полли нашла мужскую уборную, которая, как она и предполагала, просто-таки воняла неопрятностью.

Поход в туалет требовал немалой хитрости и тренировки. Полли благополучно управлялась благодаря покрою бриджей – старомодных, с обилием пуговиц на ширинке – и экспериментам, которые проделывала дома рано утром, когда прибиралась. Она обнаружила, что женщина вполне может справлять малую нужду стоя. Главное – осторожность и внимание к мелочам. У нее вполне получалось дома, в уборной, которую планировали и строили с учетом того, что посетители скорее всего будут промахиваться.

Ветхое строение задрожало от ветра. Стоя в темноте, Полли вспомнила тетюшку Хетти, которая слегка повредила в уме, перейдя на седьмой десяток, и упорно обвиняла всех молодых людей в том, что они заглядывают ей под юбку. После стакана вина она окончательно теряла рассудок и каждый раз повторяла одну и ту же шутку: «Что мужчина делает стоя, женщина сидя, а собака – задрав лапу?» Убедившись, что присутствующие слишком смущены, чтобы ответить, она торжествующе взвизгивала: «Здороваются!» и падала под стол. Тетюшка Хетти была воплощенной Мерзостью пред Нугганом.

Полли застегнула бриджи с чувством приятного волнения. Она поняла, что пересекла черту, и эта мысль подкреплялась тем, что ей удалось не замочить ноги.

Кто-то позвал:

– Эй!

Хорошо, что она уже успела закончить. От страха немедленно напряглись все мышцы. Где он прячется? Старый гнилой сарай разделялся на несколько каморок, но одного запаха было достаточно, чтобы клиент предпочел ближний лесок. Даже глухой ночью. Даже с волками в придачу.

– Что? – дрожащим голосом спросила Полли, а потом откашлялась и повторила грубее: – Чего?

– Возьми, тебе понадобится, – шепотом ответили ей. В зловонной мгле что-то показалось над перегородкой. Полли нервно протянула руку и ощутила нечто мягкое. Моток шерсти. Она пощупала его...

– Носки?..

– Да, – хрипло ответил загадочный голос. – Носи их.

– Спасибо, но у меня есть несколько пар, – сказала Полли.

Невидимка вздохнул.

– Нет. Носить их надо не на ногах. Засунь в перед штанов.

– Зачем?

– Послушай, – терпеливо прошептали ей, – у тебя плоско там, где должно быть плоско. Это хорошо. Но у тебя плоско и там, где не должно быть плоско. Понимаешь? Ну... внизу.

– О! Э... я думала, никто не заметит, – сказала Полли, багровея от смущения. Ее разоблачили! Но никто не спешил бить тревогу или яростно цитировать «Книгу Нуггана». Ей пытались помочь. Кто-то видел ее и...

– Как ни странно, – ответил голос, – люди лучше замечают то, чего нет, чем то, что есть. Одной пары достаточно, учти. Не зарывайся.

Полли помедлила.

– Э... это так очевидно? – спросила она.

– Нет. Потому-то без носков и не обойдешься.

– Я имела в виду... что я не... что я...

– Нет, не особенно, – ответил голос в темноте. – У тебя хорошо получается. Перепуганный парнишка, который пытается казаться большим и смелым. Чаше ковыряй в носу. Это тебе совет на будущее. Мало что так интересует молодых людей, как содержимое собственного носа. А теперь я тоже попрошу об услуге.

Я ни о чем не просила, подумала Полли, раздосадованная тем, что, оказывается, выглядит перепуганным парнишкой. Сама она была уверена, что из нее получился хладнокровный и невозмутимый юноша. Она негромко спросила:

– Что тебе нужно?

– Бумажка найдется?

Полли без единого слова вытащила из кармана «Матерей Борогравии!!» и передала через перегородку. Она услышала чирканье спички и почувствовала запах серы, отчего вокруг отнюдь не стало хуже пахнуть.

– Ого, уж не герб ли ее светлости Герцогини я вижу передо мною? – шепнул невидимка. – Ну, сейчас он спереди отправится взад. Давай, вали отсюда... парень.

Полли поспешно выскочила в темноту – испуганная, потрясенная, смущенная, почти бездыханная. Она едва успела войти в сарай и еще моргала, стоя во мраке, когда дверь снова распахнулась, впуслав дождь, ветер и капрала Страппи.

– Подъем, подъем! Выймай руку из штанов – хотя чего вы там найдете, – влазь ногами в сапоги! Живей, живей, хоп-хоп-хоп!

Новобранцы подскакивали и скатывались с постелей. Голосу капрала повиновались исключительно мышцы, потому что ничей мозг не в состоянии так быстро заработать. Капрал Страппи, следуя обычаю всех унтер-офицеров, старательно увеличивал общее смятение.

– Ой, боги мои, да кучка старых баб и то справилась бы живее! – радостно орал он, пока новобранцы метались по сараю в поисках курток и башмаков. – Живей! Бриться! Каждый солдат должен быть чисто выбрит, таков порядок! Одевайся! Уолти, я за тобой приглядываю! Шевелись, шевелись! Завтрак через пять минут! Кто придет последним, останется без сосиски! Чтoб ему провалиться, ну и поливает!

Четыре младших всадника Абокралиписиса – Паника, Замешательство, Невежество и Ругань – галопировали по сараю, к непристойной радости капрала Страппи. Полли выскочила за дверь, вытащила из сумки маленькую жестяную кружку, зачерпнула воды из бочки, поставила на старую колоду позади трактира и начала бриться. Она научилась и этому. Секрет был в старой бритве, которую она тщательно затупила. В конце концов, главное – кисточка и мыло. Нанеси побольше пены, сними побольше пены – и ты выбрит, не так ли? Готово, сэр, гляньте, какая у меня гладкая кожа.

Она уже почти закончила, когда над ухом у нее раздался пронзительный вопль:

– Ты что это делаешь, рядовой Пукс?

Слава богу, бритва была тупая.

– Перкс, сэр, – поправила Полли, вытирая пену с носа. – Я бреюсь, сэр. Меня зовут Перкс, сэр.

– Сэр? Сэр?! Я тебе не сэр, Пукс, я, черт возьми, господин капрал. Вот как меня надо звать, Пукс. И вода у тебя в солдатской кружке, Пукс, которую тебе еще не выдавали, если не ошибаюсь. Ты дезертир, Пукс?

– Нет, сэ... господин капрал!

– Значит, вор?

– Нет, господин капрал!

– Тогда откуда у тебя такая-разэтакая кружка, Пукс?

– Снял с мертвеца, сэр... господин капрал!

В голосе Страппи, который при каждом удобном случае поднимался до визга, зазвучала неподдельная ярость.

– Ты мародер?!

– Нет, господин капрал! Этот человек...

...умер у нее на руках, на полу трактира.

Их было шестеро – шесть героев, вернувшихся с войны. Они, должно быть, уже не первый день тащились с предсмертным серолицым терпением в свои маленькие горные деревушки. На всех Полли насчитала девять рук, десять ног и десять глаз.

Впрочем, самое жуткое зрелище представляли те, кто вернулся относительно целым. Они сидели в застегнутых доверху грязных мундирах, которые вместо бинтов стягивали чудовищное месиво, крывшееся под одеждой. От этих людей пахло смертью. Завсегдатаи «Герцогини» раздвинулись, чтобы дать им место, и заговорили тише, как в церкви. Отец Полли, обычно не склонный к сантиментам, тихонько подлил бренди в каждую кружку эля и отказался от платы. Калеки несли письма от солдат, оставшихся в строю, и один из них передал весточку от Поля. Он бросил письмо через стол Полли, когда она подала тушеное мясо, а потом тихо умер.

Вечером остальные кое-как двинулись дальше, забрав с собой для передачи родным оловянную медаль, которую нашли в кармане покойного, и официальную благодарность, которая к ней прилагалась. Полли взглянула на нее. Это был печатный листок с подписью Герцогини и пропуском для имени – его пришлось втискивать в строчку, потому что оно оказалось длиннее обычного. Последние несколько букв слепились вместе.

Такие мелочи всегда остаются в памяти, когда бесцельная ярость, раскаленная добела, заполняет сознание. Не считая письма и медали, все, что осталось от солдата, – это жестяная кружка и пятно на полу трактира, которое так и не удалось отскрести.

Капрал Страппи нетерпеливо выслушал слегка измененную версию. Полли видела, что он глубоко задумался. Раньше кружка принадлежала одному солдату, теперь она принадлежит другому. Таковы были факты, и капрал ничего не мог поделать. Тогда он решил, избегая скользкой почвы, обойтись обычными оскорблениями.

– Думаешь, ты тут самый умный, Пукс? – поинтересовался он.

– Нет, господин капрал.

– Значит, ты дурак, да?

– Ну, я же записался в армию, господин капрал, – кротко ответила Полли. Кто-то за спиной Страппи хихикнул.

– Я за тобой приглядываю, Пукс, – прорычал Страппи, временно побежденный. – Шаг влево, шаг вправо – и все.

Он отошел.

– Э... – сказал кто-то позади Полли. Она обернулась и увидела парня в поношенной одежде, с тревогой на лице, которая, впрочем, не скрывала закипающий гнев. Он был рослый и рыжий, стриженный так коротко, что вместо волос голову покрывал пушок.

– Ты, кажется, Кувалда? – уточнила Полли.

– Да. Э... можно у тебя одолжить бритву и остальное?

Полли посмотрела на его подбородок, гладкий как бильярдный шар. Парень покраснел.

– Надо же когда-нибудь начинать, – решительно сказал он.

– Бритву нужно наточить, – предупредила Полли.

– Ничего, управлюсь, – сказал Кувалда.

Полли молча дала ему кружку и бритву, а сама улучила возможность нырнуть в уборную, пока остальные занимались своими делами. Сунуть носки в штаны было мгновенным делом. Закрепить их на месте оказалось труднее, но Полли догадалась заправить верх одного носка за пояс. Ощущение было странное, маленький сверток шерсти как будто весил слишком много. Неловко переставляя ноги, Полли пошла в дом, гадая, какие ужасы сулит завтрак.

Он сулил лошадиный хлеб, сосиску и кружку разбавленного пива. Полли взяла сосиску и кусок хлеба и села.

Нужно сосредоточиться, чтобы съесть лошадиный хлеб. В последнее время только он и попадался – хлеб, испеченный из муки пополам с сухим горохом, фасолью и овощными очистками. Раньше им кормили только лошадей, чтобы они окрепли. Теперь на столе редко бывало что-то другое, и даже лошадиного хлеба становилось все меньше и меньше. Чтобы прожевать его, требовались крепкие зубы и уйма свободного времени, а чтобы съесть бородавскую сосиску – полное отсутствие воображения. Полли села и попыталась сосредоточиться исключительно на жевании.

Невозможное спокойствие излучал только рядовой Маладикт, который пил кофе с таким видом, как будто сидел в уличном кафе. Судя по выражению лица, он до мелочей обдумал свою жизнь. Маладикт кивнул Полли.

Она задумалась: может быть, именно он разговаривал с ней в уборной?

Я вернулась в ту самую минуту, когда Страппи начал орать, и все забежали и засуетились. Это мог быть кто угодно. Ходят ли вампиры в туалет? Кто рискнет спросить?

– Хорошо спал? – спросил Маладикт.

– Да. А ты?

– Я понял, что не выдержу ночевки в этом сарае, и господин трактирщик любезно позволил мне занять погреб, – сказал Маладикт. – От старых привычек трудно избавиться, знаешь

ли. По крайней мере, – добавил он, – от приемлемых привычек. Я всегда предпочитал спать, вися вниз головой.

– Ты пьешь кофе?

– У меня свой запас, – сказал Маладикт, указывая на изящную серебристо-золотую кофеварку, стоявшую на столе рядом с чашкой. – А господин Бровастый любезно вскипятит для меня воды. – Он ухмыльнулся, обнажив два длинных клика. – Просто удивительно, какие чудеса творит улыбка, Оливер.

Полли кивнула.

– Э... а Игорь твой друг? – спросила она. За соседним столом Игорь пристально рассматривал сырую сосиску, видимо, взятую на кухне. От сосиски отходили две проволоочки, опущенные в кружку с ужасным пивом. Пиво побулькивало.

– В жизни его не видел, – сказал вампир. – Но если ты знаешь хотя бы одного Игоря, то некоторым образом знаешь всех. У нас дома был Игорь. Они чудесные слуги. Надежные. Достойные доверия. И, конечно, шить они умеют как никто, если ты меня понимаешь.

– Швы у него на лбу выглядят не очень профессионально, – заметила Полли, которую начала раздражать аура непринужденного превосходства, не покидавшая Маладикта.

– А, это. Игоревы штучки, – сказал вампир. – Это Знак. Вроде... клановой метки, понимаешь? Игоря любят выставлять их напоказ. Ха, у нас был слуга, у которого швы шли вокруг шеи, и он ими очень гордился.

– Правда? – слабо спросила Полли.

– Да, и самое интересное, это была даже не его голова...

Игорь удовлетворенно наблюдал за сосиской, держа в руке шприц. На мгновение Полли показалось, что сосиска дернулась...

– Живей, живей, шевелитесь, неудачники! – гаркнул капрал Страппи, вбегая в трактир. – Стройся! Это значит – все в ряд, слабаки! Тебя это тоже касается, Пукс! И вас, сударь мой Упырь. Не угодно ли присоединиться к нашей небольшой утренней разминке? А ну, встали! Где треклятый Игорь?

– Здесь, шэр, – отозвался Игорь, стоя в трех дюймах позади капрала. Тот резко развернулся.

– Ты как сюда попал? – рявкнул он.

– У меня такая шпошобность, шэр, – ответил Игорь.

– Не смей больше заходить ко мне за спину! Иди к остальным! А теперь... смирно! – Страппи драматически вздохнул. – Это значит – «встать прямо». Усекли? Еще раз то же самое и от всей души! Смирно! Так, я понял, в чем дело. Виноваты ваши штаны, они сами собой становятся «вольно». Этак я напишу Герцогине и намекну, чтоб она потребовала деньги обратно. Чего вы ухмыляетесь, сударь мой Упырь, сэр? – Страппи остановился напротив Маладикта, который безупречно стоял по стойке «смирно».

– Счастлив служить в вашем отряде, господин капрал!

– Э... да, – буркнул Страппи. – И все-таки не...

– Все в порядке, капрал? – спросил сержант Джекрам, появляясь в дверях.

– На лучшее надеяться не приходится, сержант, – капрал вздохнул. – Нужно их прогнать в шею, честное слово. Никакого толку, никакого...

– Ладно, парни. Вольно, – сказал Джекрам, глядя на капрала отнюдь не самым дружеским образом. – Сегодня мы выступаем в Плотноц, где соединимся с другими вербовочными отрядами. Там вы получите оружие и обмундирование, счастливики. Кто-нибудь из вас когда-нибудь держал в руках саблю? Ты, Перкс?

Полли опустила поднятую руку.

– Да, сержант. Брат меня немного поучил, когда приходил на побывку. И старики в трактире, где я работал, тоже... кое-что показали.

О да. Очень смешно смотреть, как девочка размахивает саблей. Когда старики не смеялись, то обращались с ней довольно ласково. Полли быстро училась, но старалась казаться неуклюжей, даже когда кое-что освоила, потому что владеть оружием – Мужское Дело. Женщина, которая берется за оружие, сие есть Мерзость пред Нугганом. Старые солдаты, как правило, предпочитали смотреть на Мерзости сквозь пальцы. Полли смешила их, пока оставалась безвредной, и была в безопасности, пока оставалась смешной.

– Опытный боец, э? – Страппи злобно усмехнулся. – Фехтовальный гений, да?

– Никак нет, господин капрал, – кротко ответила Полли.

– Ну ладно, – сказал Джекрам. – Еще кто-нибудь...

– погоди, сержант. Я думаю, нам всем не помешает урок мастерства от господина Пукса, – прервал Страппи. – Так, парни? – Послышалось общее бормотание – новобранцы с первого взгляда распознали в капрале мелкого тирана, но в глубине души радовались, что он избрал жертвой кого-то другого.

Страппи вытащил саблю.

– Дай ему оружие, сержант, – сказал он. – Позабавимся немного.

Джекрам помедлил и взглянул на Полли.

– Что скажешь, парень? Ты не обязан драться, – добавил он.

Рано или поздно придется, подумала Полли. Мир полон Страппи. Если ты пятишься, они продолжают наступать. Их нужно осаживать сразу же. Она вздохнула.

– Ладно, сержант.

Джекрам вытащил саблю из ножен и протянул Полли. Сабля оказалась на удивление острой.

– Он тебя не поранит, Перкс, – сказал Джекрам, глядя на ухмыляющегося Страппи.

– Я тоже постараюсь его не поранить, сэр, – ответила Полли и тут же выбрала себя за неуместную браваду. Наверное, носки давали о себе знать.

– Поехали, – сказал Страппи, отступая на шаг. – Сейчас поглядим, из чего ты сделан, Пукс.

Из плоти и крови, подумала Полли. То и другое легко режется. Ну ладно...

Страппи взмахнул саблей низко над землей, точь-в-точь как старики в трактире, на тот случай если противник думает, что главное – ударить по чужому клинку. Полли не поддалась – она смотрела ему в глаза, хотя в этом было мало приятного.

Он не ранит ее, по крайней мере – смертельно, пока Джекрам наблюдает за поединком. Он постарается ударить побольнее, выставить ее на посмешище. Именно так поступают все Страппи. В каждом трактире найдется парочка таких, как он.

Капрал сделал несколько более решительных выпадов, и дважды благодаря чистому везению Полли удалось парировать. Впрочем, удача не могла длиться вечно; Страппи живо поставит точку, как только поймет, что противник намерен сопротивляться всерьез. И тогда Полли вспомнила совет, который дал ей, хихикая, Беззубый Аббенс, отставной сержант, которого вражеский палаш оставил без левой руки, а пристрастие к сидру – без зубов. «Хороший боец, детка, терпеть не может драться с зеленым новичком! Потому как он не знает, чего ждать от этого сукина сына!»

Она яростно взмахнула саблей, Страппи пришлось отбить, и на мгновение клинки сомкнулись.

– Это все, на что ты способен, Пукс? – капрал оскалился.

Полли схватила его за грудки.

– Никак нет, господин капрал, – сказала она. – Не все.

Она что есть сил дернула Страппи на себя и ударила головой.

Столкновение оказалось больнее, чем она думала. Полли услышала треск – но не своих костей. Она поспешно отступила, чувствуя легкую дурноту, но держа саблю наготове.

Страппи рухнул на колено, из носа у него хлынула кровь. Когда он встал, Полли поняла: сейчас кто-то умрет...

Тяжело дыша, она метнула умоляющий взгляд на сержанта Джеккрама. Сложив руки на груди, тот невинно смотрел в потолок.

– Уж этому ты точно научился не от брата, Перкс, – заметил он.

– Нет, сержант. От Беззубого Аббенса, сэр.

Джеккрам вдруг с улыбкой взглянул на нее.

– Что? От старика Аббенса?

– Да, сержант.

– Вот это я называю «зов прошлого»! Что, он не помер еще? Как поживает старый пьяница?

– Э... он хорошо сохранился, сэр, – сказала Полли, все еще пытаюсь отдышаться.

Джеккрам расхохотался.

– Да уж не удивлюсь. Лучше всего он дрался по кабакам. И держу пари, он тебя не только этому фокусу научил.

– Да, сэр.

Другие старики ругали Аббенса за это, а он все хихикал, сидя за кружкой сидра. В любом случае Полли далеко не сразу поняла, что такое «фамильные драгоценности».

– Слыхал, Страппи? – крикнул сержант, обращаясь к капралу. Тот ругался и вытирал кровь, капавшую наземь. – Похоже, тебе повезло. Вам не выдадут наград за честный бой во время рукопашной, парни, и вы это сами поймете. Ну ладно, веселью конец. Иди и умойся холодной водой, капрал. Разбитый нос всегда выглядит хуже, чем есть на самом деле. И учтите вы оба, *на этом все*, таков мой приказ. Намек поняли?

– Да, сержант, – послушно ответила Полли. Страппи что-то буркнул.

Джеккрам оглядел остальных.

– Так. Кто-нибудь из остальных когда-нибудь держал в руках саблю? Вижу, придется начать медленно и постепенно...

Страппи снова что-то забурчал. Полли невольно восхитилась. Стоя на коленях и зажимая рукой разбитый нос, капрал тем не менее не упустил возможности хотя бы немного испортить кому-то жизнь.

– У рядобобо Кровофофа есть фабля, фержабт, – обвинительным тоном проговорил он.

– Умеешь с ней обращаться? – спросил Джеккрам у Маладикта.

– В общем, нет, сэр, – ответил вампир. – Никогда не учился. Я ношу ее в целях безопасности, сэр.

– Как же ты можешь быть в безопасности, если не умеешь драться?

– Не для своей безопасности, сэр. Если люди увидят у меня меч, они не станут нападать, – терпеливо объяснил Маладикт.

– Да, но если они все-таки нападут, парень, тебе не будет от него проку.

– Нет, сэр. Скорее всего я просто оторву им головы, сэр. Я имел в виду их безопасность, а не свою, сэр. Мне зададут чесу в Лиге, если я оторву кому-нибудь голову, сэр.

Сержант некоторое время просто смотрел на него.

– Ловко придумано, – наконец выговорил он.

Позади послышался гулкий удар, и стол перевернулся. Тролль Карборунд сел, застонал и снова рухнул. Со второй попытки он удержался прямо и схватился обеими руками за голову.

Капрал Страппи, который наконец поднялся на ноги, от ярости, должно быть, утратил страх. Он рысью подбежал к троллю и остановился прямо перед ним, дрожа от гнева. Из носа у него липкими струйками сочилась кровь.

– Ах ты треклятый... карлик! – заорал он. – Ах ты...

Карборунд вытянул руку, взял капрала за голову и поднял – осторожно и без всяких видимых усилий. Он поднес Страппи к запекшемуся глазу и повернул туда-сюда.

– Я што, вступил в армию? – прорычал он. – Ой, копроли-ит...

– Это бападебие ба офицера! – сдавленно завопил капрал.

– Поставь, пожалуйста, капрала Страппи на место, – сказал сержант Джекрам. Троль недовольно заворчал и вернул капрала на землю.

– Звиняй, – сказал он. – Я думал, ты, ета, гном.

– Я бастаиваю, фтобы его арефтовали за... – начал Страппи.

– Нет, капрал, ты ни на чем не настаиваешь, – сказал сержант. – Сейчас не время. Поднимайся, Карборунд, и вставай в строй. Вот тебе мое честное слово, еще разок попробуешь проделать такое – и у тебя будут неприятности, понял?

– Да, сержант, – и троль, опираясь руками оземь, поднялся.

– Слушайте сюда, – сержант отступил на шаг. – Теперь, везунчики мои, вы поучитесь одной штуке, которая называется «маршировка»...

Они покинули Плюн под ветром и дождем. Примерно через час после того, как они скрылись за поворотом долины, сарай, в котором ночевал отряд, загадочным образом сгорел дотла.

Конечно, мир видал маршировку и получше. Например, в исполнении пингвинов. Сержант Джекрам, сидя в повозке, замыкал шествие и выкрикивал команды, но новобранцы двигались так, как будто прежде им никогда не доводилось перемещаться с места на место. Своими окриками сержант наконец добился того, что они перестали цеплять на ходу ногу за ногу, после чего остановил повозку и устроил для избранных импровизированный урок с объяснением концепции «право и лево». И так, шаг за шагом, они покинули горы.

Полли вспоминала эти первые дни со смешанным чувством. Они только и делали, что шагали, но она привыкла ходить подолгу, и башмаки у нее были крепкие, а штаны перестали натирать. Тусклое солнце наконец удосужилось выглянуть. Погода стояла довольно теплая. Все бы неплохо, если бы не капрал.

Полли гадала, каким образом Страппи, нос у которого приобрел цвет спелой сливы, собирается уладить недоразумение. Оказалось, что он намерен делать вид, будто ничего не произошло, и как можно меньше обращать внимания на Полли.

Остальных он не щадил, хотя и избирательно. Маладикта оставили в покое, как и Карборунда; Страппи мог быть кем угодно, но только не самоубийцей. Игорь озадачивал капрала. Какое бы дурацкое поручение ни изобрел Страппи, Игорь выполнял его быстро, умело и явно радуясь работе, чем приводил начальство в полное замешательство.

На остальных капрал набрасывался без всякой видимой причины, досаждал им, пока они не совершали какой-нибудь мелкий промах, и тогда обрушивался на новобранцев с руганью. Его излюбленной мишенью был рядовой Гум, он же Уолти, – худой как палка, с огромными глазами, дерганный. Перед едой он вслух читал молитву. Вечером первого дня Страппи наорал на него так, что парня вырвало. Капрал хохотал.

Страппи не то чтобы по-настоящему смеялся. Он издавал горлом хриплое клокотание, что-то вроде «грххх».

Его присутствие омрачало все вокруг, но Джекрам редко вмешивался. Впрочем, он частенько наблюдал за Страппи и однажды, когда Полли поймала взгляд сержанта, подмигнул.

Вечером, под ругань Страппи, новобранцы вытащили навес из повозки и, опять-таки под ругань Страппи, поставили его, а после ужина, состоявшего из черствого хлеба и сосисок, уселись перед грифельной доской, и угадайте, что служило аккомпанементом. На доске Страппи написал «ЗА ЧТО МЫ СРАЖАЕМСЯ» и поставил цифры – 1, 2, 3.

– Всем смотреть сюда! – сказал он, постукивая по доске палочкой. – Начальство думает, что вы, парни, должны знать, за что мы воюем, ясно? Поехали. Пункт первый. Помните город Липц? Год назад на него вероломно напали злобенские войска! Они...

– Простите, но я думал, что это мы напали на Липц, господин капрал. В прошлом году говорили... – начал Зырский.

– Ты чего умничаешь, рядовой Маниль? – поинтересовался Страппи, выбирая самый тяжкий грех из своего персонального списка.

– Просто хотел спросить, господин капрал, – сказал Зырский. Он был коренастый и пухленький – из тех людей, которые вечно суетятся и смутно досаждают окружающим, берясь за мелкие дела, которые всякий охотно сделает и сам. В нем ощущалось что-то странное – может быть, потому, что сейчас он сидел рядом с Уолти, который был, безусловно, странным – и, возможно, заразным...

...и Страппи это заметил. Травить Зырского было неинтересно – зато Уолти Гум... Уолти Гум всегда стоил того, чтобы на него наорать.

– Ты слушаешь, рядовой Гум? – завопил Страппи.

Уолти, который сидел с закрытыми глазами, обратив лицо кверху, вздрогнул и очнулся.

– Господин капрал?... – дрожа, выговорил он, когда Страппи приблизился.

– Я сказал: ты слушаешь, Гум?

– Так точно, господин капрал!

– Правда? Ну и что ты слышал, позволь спросить?

В голосе Страппи смешались патока и яд.

– Ничего, господин капрал. Он молчит.

Страппи с наслаждением втянул воздух полной грудью.

– Ах ты треклятый пустоголовый идиот...

И тут послышался звук. Негромкий и неопределенный, из тех, что раздаются каждый день. Звук, который честно выполняет свой долг, но тем не менее его никогда не насвистывают и не вставляют в сонаты. Всего-навсего скрежет металла по камню.

По ту сторону костра сидел Джекрам, держа в одной руке саблю, а в другой точильный камень. Он взглянул на остальных.

– Что? А. Просто правлю лезвие, – как ни в чем не бывало сказал он. – Прости, если сбил тебя с мысли, капрал. Продолжай.

На помощь Страппи пришел обыкновенный инстинкт самосохранения. Он оставил в покое трясущегося Уолти и снова повернулся к Зырскому.

– Да, да, мы тоже напали на Липц...

– До того как это сделали злобенцы? – уточнил Маладикт.

– Может, дослушаешь?! Мы смело атаковали Липц, чтобы вернуть борогравскую территорию! А потом эти вероломные брюквояды украли ее у нас обратно...

Раз уж ей не суждено было увидеть, как капралу Страппи сносят голову, Полли отвлеклась и задумалась. Она знала про Липц. Среди старых солдат, которые приходили к ее отцу выпить, половина когда-то брала этот город. Никто не ожидал, что солдаты проявят такое рвение. Кто-то просто заорал: «На штурм!»

Проблема заключалась в реке Кнек. Похожая на оброненную ленту, она неторопливо текла по широкой, плодородной, илистой равнине, но порою наводнение или просто упавшее дерево вынуждали реку изгибаться, как ремень кнута, и петлять вокруг клочков суши, расположенных за много миль от ее изначального русла. Тем не менее река была государственной границей.

Прервав свои размышления, Полли услышала:

– ...но на сей раз все помогают этим сволочам! Знаете почему? Из-за Анк-Морпорка. Потому что мы останавливали почтовые кареты, которые ехали через нашу страну, и уничтожали ихние клик-башни – Мерзость пред Нугганом! Анк-Морпорк – безбожный город...

– А я слышал, там более трехсот различных святилищ, – заметил Маладикт.

Страппи смотрел на вампира с беспомощной яростью, пока не нащупал почву под ногами.

– Анк-Морпорк – сплошное богохульство! – наконец выговорил он. – Он отравлен, точь-в-точь как его река. Почти не пригоден для жизни. В Анк-Морпорке принимают кого попало – зомби, вервольфов, гномов, вампиров, троллей... – Страппи окинул взглядом слушателей, запнулся и поправился: – Хотя, конечно, иногда это неплохо. Но в остальном Анк-Морпорк мерзок, непристой, незаконен и перенаселен. Вот почему он так нравится князю Генриху! Анк-Морпорк очаровал его, купил задешево – такая у него политика, парни. Анк-Морпорк тебя покупает, чтоб ты не лез в его дела. Эй, какой толк в моих разъяснениях, если вы продолжаете задавать вопросы?

– Я просто хотел узнать, почему Анк-Морпорк перенаселен, господин капрал, если там так плохо, – сказал Кувалда.

– Потому что у них упадок и вырождение, рядовой. Они прислали сюда отряд, чтобы помочь Генриху захватить нашу любимую родину. Генрих свернул с пути Нуггана и пошел по безбожному... то есть по богохульному пути Арк-Морпорка. – Страппи, довольный тем, что не оговорился, продолжал: – Пункт второй. Не считая солдат, Анк-Морпорк отправил к нам Мяслика Ваймса, самого ужасного человека в этом ужасном городе. Они думают только о том, чтобы уничтожить Борогравия!

– Я слышал, в Анк-Морпорке просто недовольны тем, что мы снесли клик-башни, – сказала Полли.

– Они стояли на нашей суверенной территории!

– Но это была территория Злобении, до того как... – начала Полли.

Страппи гневно замахал пальцем.

– Слушай меня, Пукс! Нельзя быть великой страной вроде Борогравии и не нажить врагов. Поэтому третий пункт, Пукс, и нечего тут сидеть и думать, что ты самый умный. Все вы такие, вижу. Ну-ка подумайте лучше вот о чем. Вам, может быть, не все здесь нравится, а? Возможно, Борогравия – не идеальная страна, но это наше отечество. Возможно, у нас не идеальные законы, но это наши законы. Возможно, борогравские горы не самые высокие и не самые красивые, но это наши горы. Мы деремся за то, что принадлежит нам, парни! – Страппи стукнул себя в грудь.

Пробудитесь, сыны Отчизны,
Довольно пить вино из кислых яблок...

Они присоединились, более или менее заунывно. А как же иначе. Даже если ты просто открываешь и закрываешь рот. Даже если поешь «ла-ла-ла». Полли, которая в таких случаях всегда оглядывалась на окружающих, заметила, что Зыркий отчетливо произносит все слова, что у Страппи неподдельные слезы на глазах и что Уолти вообще не поет. Рядовой Гум молился. Ловкий трюк, сказал вероломный внутренний голос в глубине души Полли.

К общему удивлению, Страппи продолжал петь – и в одиночестве исполнил второй куплет, который вообще никто не помнил. Капрал самодовольно улыбнулся, как бы намекая, что таких патриотов, как он, еще поискать.

А потом они попытались устроиться на ночлег поудобнее, насколько это возможно при помощи двух одеял. Некоторое время все лежали молча. Джекрам и Страппи ночевали в своих

палатках, но инстинкт подсказал новобранцам, что по крайней мере капрал подкрадется послушать.

Примерно через час, когда по парусине барабанил дождь, Карборунд сказал:

– Ета, я, кажись, понял. Даже если мы *грууфарно* глупые, мы будем драться, потому что енто наша глупость... И, ета, так и должно быть.

Несколько человек сели и удивленно уставились в темноту.

– Я понимаю, что должен знать такие вещи, но все-таки – что значит «грууфарно»? – спросил Маладикт в сырой мгле.

– А... енто когда мама тролль и папа тролль сильно любят друг друга...

– Я, кажется, понял, спасибо, – перебил Маладикт. – То, что о чем идет речь у нас, друг мой, называется патриотизм. Это мое отечество, право оно или нет.

– Нужно любить свою страну, – сказал Зыркий.

– Что именно любить? – слышался из дальнего угла голос Кувалды. – Утренний свет на вершинах гор? Ужасную еду? Дурацкие Мерзости? Всю страну целиком, за исключением того клочка земли, на котором стоит Страппи?

– Но мы на войне!

– Да, вот тут ты прав, – Полли вздохнула.

– Ну а я не куплюсь на ихнее вранье. Сначала тебя топчут, а потом, когда они ссорятся с соседней страной, изволь за них драться. Борогравия становится «твоей», только когда кому-то нужно послать тебя на убой! – заявил Кувалда.

– Все, что есть хорошего в нашей стране, сейчас находится в этой палатке, – прозвучал голос Гума.

Воцарилось смущенное молчание.

Дождь усиливался. Вскоре крыша начала протекать. Наконец Зыркий спросил:

– А что будет, если... э... ты сначала пойдешь в армию, а потом решишь, что тебе неохота сражаться?

– Тогда, если не ошибаюсь, тебя будут судить за дезертирство и отрубят голову, – ответил Маладикт. – Лично я назвал бы это мелким, хотя и досадным происшествием, но твоему общественному бытию, дорогой Зыркий, пожалуй, будет положен конец.

– А я не целовал ихнюю проклятую картинку, – сказал Кувалда. – Я перевернул ее, когда Страппи не смотрел, и поцеловал сзади.

– И все равно скажут, что ты целовал Герцогиню, – возразил Маладикт.

– Т-ты п-п-поцеловал Г-Герцогиню в... в зад? – в ужасе уточнил Уолти.

– Это была всего лишь задняя сторона картинка! – отрезал Кувалда. – Будь это зад Герцогини, стал бы я его целовать, ха.

Из углов слышалось неопределенное хихиканье и даже чей-то смешок.

– Ты п-п-поступил д-д-дурно! – прошептал Уолти. – Нугтан на небесах в-в-видел т-тебя!

– Это просто картинка, – повторил Кувалда. – И потом, какая разница? Смотри на нее хоть спереди, хоть сзади, но мы сидим тут, и пока что я не вижу бифштексов и ветчины.

Над головами слышался негромкий гул.

– Я, ета, вступил, потому что хочу увидеть, ета, иностранные гусударства и всякую еротику, – сказал Карборунд.

На мгновение все задумались.

– Ты имеешь в виду экзотику? – уточнил Игорь.

– Ну да, ета, все такое, – подтвердил тролль.

– Но ведь нам врут, – прозвучал чей-то голос, и Полли осознала, что он принадлежит ей. – Нам всегда и обо всем врут.

– Аминь, – произнес Кувалда. – Будем драться за вранье.

– Может, это и вранье, – прорычала Полли, весьма убедительно подражая капралу Страппи, – но это наше вранье!

– Ну ладно, детишки, – сказал Маладикт. – Попробуем заснуть. Дядюшка Маладикт желает вам спокойной ночи. Пусть вам приснится, как мы пойдем в бой. Ведь нас поведет капрал Страппи. По-моему, это очень приятно.

Через некоторое время Кувалда уточнил:

– Так что, он пойдет впереди?

– Да. Ты, кажется, правильно меня понял, Кувалда. Страппи будет шагать прямо перед нами. На шумном и людном поле битвы, где, к сожалению, многое может случиться...

– И нам дадут оружие? – с надеждой спросил Зыркый.

– Конечно, вы же солдаты. И враг будет так близко, как раз перед вами...

– Это хороший сон, Мэл.

– Пусть он тебе приснится, малыш.

Полли отвернулась и попыталась устроиться поудобнее. Нам врут, сонно подумала она. Иногда ложь бывает приятной, а иногда нет. Люди видят то, что хотят видеть. Я сама – воплощенная ложь. И это сходит мне с рук.

Теплый осенний ветер сдувал листья с рябин. Рекруты шли вдоль холмов. Это было утром нового дня, когда горы остались позади. Полли по привычке развлекалась, определяя птиц, сидевших на кустах. Почти всех она знала.

Она не собиралась становиться орнитологом. Но птицы радовали Поля. В их присутствии его, мягко выражаясь, медлительный разум обретал быстроту молнии. Он внезапно вспоминал их названия, привычки и маршруты, мог насвистеть птичьи песенки, а однажды, когда Полли скопила денег и купила у одного из постояльцев коробку с красками, нарисовал королька – совсем как живого. Казалось, птичка пела...

Мать тогда была еще жива. Попреки не стихали несколько дней. Изображения живых существ считались Мерзостью пред Нугганом. Полли спросила, почему тогда повсюду портреты Герцогини, и получила трепку. Рисунок сожгли, а краски выбросили.

Полли так и не сумела забыть об этом. Мать была незлой – по крайней мере, насколько возможно для человека, который ревностно старается выполнять все прихоти Нуггана. Она медленно умирала среди портретов Герцогини. Среди эха молитв, на которые никто не отзывался. Но каждый раз в памяти Полли предательски оживало воспоминание: гнев, брань и маленькая птичка, трепещущая в пламени очага.

В полях женщины и старики жали прибитую вчерашним дождем пшеницу, надеясь спасти хоть что-то. Молодых мужчин видно не было. Полли заметила, что и другие новобранцы украдкой бросают взгляды на жнецов. Возможно, все они думали об одном и том же.

Шагая среди низких холмов, они до самого вечера никого не встречали. Солнце отчасти рассеяло облака, и, по крайней мере, ненадолго вернулось лето – влажное, душное, неприятное, как гость, который никак не желает уходить домой.

Красное пятно в отдалении выросло и превратилось в нестройную вереницу людей. Полли догадалась, что это такое, как только увидела. Остальные, судя по реакции, нет. Несколько минут новобранцы сталкивались и натывались друг на друга, а потом наконец остановились и принялись смотреть.

Раненым понадобилось некоторое время, чтобы поравняться с рекрутами и пройти мимо. Двое относительно целых солдат (насколько Полли могла судить) тащили тележку, на которой лежал третий. У остальных были костыли, руки на перевязи и пустые рукава красных мундиров. Но больше всего Полли ужаснуло те, кто походил на того человека в трактире, – серолицые, с неподвижным взглядом, застегнутые доверху, несмотря на жару.

Двое-трое раненых поглядели на рекрутов, ковыляя мимо. Их лица не выражали ничего, кроме пугающей целеустремленности.

Джекрам натянул вожжи.

– Привал двадцать минут, – сказал он.

Игорь повернулся, кивком указал на раненых, мрачно тащившихся дальше, и спросил:

– Разрешите пошморгнуть, не шмогу ли я им помочь, шэр?

– Скоро насмотришься, парень, – ответил сержант.

– Шэр? – укоризненно повторил Игорь.

– Ладно, ладно. Если по-другому никак. Дать тебе еще пару рук в помощь?

Капрал Страппи гнусно захихикал.

– Да, от помощи я бы не отказался, шэр, – с достоинством произнес Игорь.

Сержант окинул взглядом отряд.

– Рядовой Холтер, шаг вперед. В лекарском деле разбираешься?

Рыжий Кувалда немедленно шагнул вперед.

– Я резал свиней у мамы на ферме, сэр, – сказал он.

– Прекрасно. Все лучше, чем армейский хирург, помяни мое слово. Ступайте. И учтите – двадцать минут!

– Пригляди там, чтобы Игорь не прихватил с собой сувениров! – добавил Страппи и снова разразился своим скрипучим смехом.

Остальные уселись на траву на обочине. Кое-кто отошел в кусты. Полли отправилась туда же, но забрела подальше и воспользовалась уединением, чтобы поправить носки. Они сползали, если она о них забывала.

Услышав шорох за спиной, Полли застыла, но тут же расслабилась. Она вела себя так осторожно, никто не должен был ничего заметить. Что такого, если кто-то еще пошел отлить? Она выйдет обратно на дорогу и не станет обращать внимания...

Дылда Тьют вскочил, когда Полли показалась из кустов, – в спущенных бриджах, красный как свекла.

Полли ничего не смогла поделать. Может быть, из-за носков. А может быть, из-за умоляющего выражения лица Дылды. Когда на чьем-нибудь лице написано «Не смотри!», глаза начинают жить собственной жизнью и устремляются куда не надо.

Дылда вскочила, натягивая штаны.

– Послушай, не бойся... – начала Полли, но было слишком поздно.

Девушка скрылась.

Полли уставилась вслед и подумала: черт возьми, нас уже двое. Но что бы я ей сказала? «Не бойся, я тоже девушка, ты можешь мне доверять, давай подружмся, и, кстати, тебе понадобится пара носков»?

Игорь и Кувалда вернулись, не говоря ни слова. Сержант Джекрам тоже промолчал. Отряд двинулся дальше.

Полли шагала в хвосте, рядом с Карборундом. Таким образом она могла бдительно наблюдать за Дылдой, кем бы та ни была. Впервые Полли действительно *смотрела* на нее. Мало кто обращал внимание на Дылду, потому что она держалась в тени Кувалды. Она была низенькая; теперь, когда Полли узнала, что Дылда девушка, приличнее было бы назвать ее миниатюрной – смуглая, темноволосая, постоянно погруженная в собственные мысли. Она всегда шла рядом с Кувалдой. Более того, она и спала рядом с ним.

Ах вот оно что. Дылда пошла на войну вместе со своим кавалером, подумала Полли. Как романтично – и очень, очень глупо. Теперь, когда одежда и прическа больше не вводили ее в заблуждение, Полли и по другим признакам замечала, что Дылда – девушка, и притом девушка,

которая не слишком умело маскируется. Она заметила, что Дылда что-то шепчет Кувалде. Тот обернулся и устремил на Полли взгляд, исполненный ненависти и угрозы.

Я не могу ей открыться, подумала она. Дылда проболтается. Нельзя, чтобы остальные узнали. Я вложила в это столько сил. Я не просто отрезала волосы и надела штаны. Я готовилась...

Да, готовилась.

Все началось со внезапной странной фантазии, а закончилось планом. Сначала Полли пристально наблюдала за парнями. Некоторые пытались отвечать взаимностью, к своему большому разочарованию. Полли запоминала, как они двигаются, прислушивалась, улавливая ритм разговора – ну или того, что сходило у них за разговор, – и отмечала, как они тузят друг друга в знак приветствия. Она открыла для себя новый мир.

У нее были достаточно крепкие для девушки мышцы, потому что заправлять большим трактиром значит таскать тяжести. Полли выполняла непростые обязанности по дому, и руки ее изрядно загрубели. Она носила под длинной юбкой старые штаны брата, чтобы привыкнуть к ощущению.

За такое могли выпороть. Мужчины должны одеваться по-мужски, а женщины по-женски. Переодевание – богохульство и Мерзость пред Нугганом, как утверждал отец Юпк.

И до сих пор это ее спасало, подумала Полли, шлепая по луже. Никто не додумается искать переодетую женщину. Чтобы поверить, что перед ним мужчина, для стороннего наблюдателя достаточно мужской одежды, короткой прически и разболтанной походки. Ну и пары носков, конечно.

Но Полли тревожилась. Кто-то знал про нее – точно так же, как она знала про Дылду. Однако этот кто-то не выдал Полли. Сначала она подумала, что в уборной с ней разговаривал Бровастый, но тут же сообразила, что он разболтал бы сержанту – с трактирщика стало бы наябедничать. Теперь Полли подозревала, что ее разоблачил Маладикт, но, возможно, лишь потому, что вампир казался всеведущим...

Карбо... нет-нет, он вырубился на всю ночь, и потом... нет, только не тролль. Игорь шепелявит. Кувалда? В конце концов, он знает про Дылду, поэтому, может быть... Впрочем, с какой стати ему помогать Полли? Нет, признаваться Дылде слишком опасно. Лучшее, что можно сделать, – это постараться, чтобы она не выдала их обеих.

До Полли донесся шепот Кувалды:

– ...один раненый недавно умер, и Игорь отрезал ему ноги и руку и пришил тому солдату, который в них нуждался, вот как я заштопал бы носок! Это надо было видеть! Пальцы у него так и летали! И всякие мази, которые...

Шепот затих. Страппи снова обрушился на Уолти.

– От ентого Страппи по мне трещины идут, – пожаловался Карборунд. – Хочешь, я, ета, оторву ему голову? И сделаю так, чтоб было, ета, похоже на несчастный случай.

– Лучше не надо, – попросила Полли, хотя на мгновение эта мысль и впрямь ее увлекла.

Они дошли до развилки, где дорога, идущая со стороны гор, вливалась в большой тракт. Он был переполнен. Повозки и телеги, стада коров, старухи, тащившие на спине весь свой скарб, крайнее волнение детей и поросят...

Люди двигались в одну сторону. Противоположную той, куда шел отряд. Люди и скот обтекали рекрутов, как поток обтекает неуместно торчащий камень. Новобранцы сгрудились тесной кучкой, чтобы между ними не вклинились коровы.

Сержант Джекрам поднялся во весь рост на повозке.

– Рядовой Карборунд!

– Да, сэр? – прогремел тролль.

– В первый ряд!

И это помогло. Поток продолжал течь, но по крайней мере теперь люди расступались, не доходя Карборунда и оставляли широкий проход. Никто не хотел столкнуться с медленно шагающим троллем.

Торопившиеся мимо крестьяне смотрели на новобранцев. Пожилая женщина, подбежав, сунула в руки Кувалде краюху черствого хлеба и сказала: «Ах вы бедняжки», прежде чем толпа увлекла ее за собой.

– Что здесь творится, сержант? – спросил Маладикт. – Похоже на беженцев.

– Такие разговоры сеют Панику и Упадок Духа! – заорал капрал.

– То есть все эти люди просто собрались на выходные за город и встали с утра пораньше, чтобы избежать давки? – уточнил Маладикт. – Простите, я не догадался. Наверное, меня смутила вон та женщина с копной сена на спине.

– Знаешь, что бывает за насмешки над вышестоящим офицером? – взвизгнул Страппи.

– Никак нет! Что-то пострашнее, чем то, от чего они бегут?

– Вы вступили в армию, господин Кровосос! Вы обязаны повиноваться приказам!

– Да, но я не припомню, чтобы мне приказывали не думать.

– Хватит! – рявкнул Джекрам. – Меньше ора! Шевелитесь! Карборунд, расталкивай толпу, если тебе не уступают дорогу, понял?

Они двигались дальше. Через некоторое время толпа слегка поредела, и поток превратился в струйку. Время от времени навстречу попадалась семья или одиноко бегущая женщина, навьюченная узлами. Какой-то старик упорно толкал тачку, нагруженную репой. Они даже вывозят с полей урожай, подумала Полли. Все двигались полубегом, будто стремясь догнать ушедшую вперед толпу. Ну или поскорее миновать солдат.

Они посторонились, пропуская старуху, согнувшуюся под тяжестью черно-белой свиньи. А потом осталась только дорога, изрытая колеями и грязная. Над полями по обе стороны поднимался вечерний туман, тихий и холодно-липкий. После шума толпы тишина равнин внезапно показалась гнетущей. Единственным звуком было хлюпанье под ногами.

– Разрешите обратиться, сержант, – сказала Полли.

– Что, рядовой? – ответил Джекрам.

– До Плотца далеко?

– Им ни к чему знать, сержант, – заметил Страппи.

– Миль пять, – сказал Джекрам. – Там на складе вы получите обмундирование и оружие.

– Это военная тайна, сержант! – жалобно заскулил Страппи.

– Мы закроем глаза и не будем смотреть, что на нас надето, господин капрал, – предложил Маладикт.

– Замолкни, рядовой, – приказал Джекрам. – Шагай вперед и придержи язык.

И они зашагали дальше. Дорога становилась все грязнее. Поднялся ветерок, но не разогнал туман, а растянул его над сырыми полями, придав ему странные, изогнутые, неприятные очертания. Солнце превратилось в оранжевый шар.

Полли увидела нечто большое и белое – оно летело над полем, гонимое ветром. Сначала ей показалось, что это молодая цапля, которая запоздала с отлетом, но цапель обычно не носит ветром. Несколько раз хлопнув «крыльями» в воздухе, «цапля» перелетела через дорогу, подхваченная очередным порывом, и облепила лицо капрала Страппи.

Тот заорал. Дылда схватил – то есть схватила – нечто трепещущее и сырое, и это нечто разорвалось в ее руках. Отчаянно извивающийся капрал освободился.

– Это всего лишь лист бумаги, – заметила Тьют.

Страппи отмахнулся.

– Я сразу понял, – сказал он. – Тебя не спросили!

Полли подобрала один из обрывков. Бумага была тонкая, заляпанная грязью, и все-таки она разобрала слово «Анк-Морпорк». Богохульный город. Талант Страппи заключался в том, что все, против чего он боролся, немедленно становилось притягательным.

– «Анк-Морпоркская Правда»... – прочитала Полли вслух, прежде чем капрал выхватил у нее газету.

– Нельзя читать все, что попадает на глаза, Пукс! – гаркнул он. – Ты же не знаешь, кто это писал.

Страппи бросил сырую бумагу в грязь и принялся топтать, а потом приказал:

– Вперед!

И они пошли дальше. Когда отряд зашагал более или менее в ногу, рассматривая собственные башмаки или вглядываясь в туман впереди, Полли подняла правую руку на уровень груди и осторожно повернула ладонь вверх. Там притаился прилипший клочок, который остался у нее, когда Страппи отобрал газету.

«МЫ НЕ СДАДИМСЯ», —

ЗАЯВЛЯЕТ КОАЛИЦИИ ГЕРЦОГИНЯ (97 ЛЕТ)

Вильям де Словв, долина Кнек, 7 сектобря

Борогравские войска, при поддержке лорда В
Легкая пехота захватила Кнекскую крепость в
после яростной рукопашной сх
Должен сказать, что вооружение, которое
брошено на прои
Его Светлость командор сэра С
заявил «Правде»:
капитуляция была
вражеские военачальн
упрямые идиоты, но не см
чатать это в своей газетке».
Известно, что
безнадежная ситу
ий голод
по всей
нет выбор
вторже

Но ведь Борогравия побеждает? Так почему же «не сдадимся»? И что такое Коалиция?

А еще Полли не давал покоя капрал Страппи. Она понимала, что он действует на нервы и Джекрану. Капрал задавался – с точки зрения Полли, носки явно не давали ему покоя, – и вел себя так, будто это он командовал отрядом. Возможно, причиной была общая мерзопакость Страппи, но...

– Господин капрал, – окликнула она.

– Чего тебе, Пукс? – отозвался Страппи. Нос у него по-прежнему был очень красный.

– Мы побеждаем, правда? – спросила Полли. Ей уже надоело его поправлять.

Внезапно все остальные обратились в слух.

– Не лезь не в свое дело, Пукс! – огрызнулся Страппи. – Мы деремса, вот и все.

– Так точно, господин капрал. Значит... я буду драться на той стороне, которая побеждает?

– Сержант, тут кое-кто задает слишком много вопросов, – пожаловался капрал.

– Не задавай вопросов, Перкс, – рассеянно сказал Джекрам.

– Значит, мы проигрываем? – уточнил Кувалда. Страппи обернулся к нему.

– Ты сеешь Панику и Упадок Духа, вот что! – заорал он. – Это – пособничество врагу!

– Замолкни, рядовой Холтер, – велел Джекрам. – Слышал? А теперь...

– Холтер, ты под арестом до...

– Капрал Страппи, пару слов в твое отвислое ухо, если не возражаешь! А вы, парни, стойте тут! – зарычал сержант, слезая с повозки.

Джекрам отошел шагов на пятьдесят по дороге. Одарив отряд яростным взглядом, капрал побежал за ним.

– У нас неприятности? – спросил Кувалда.

– Догадайся, – сказал Маладикт.

– И гадать нечего, – сказал Зырький. – Страппи может придаться за что угодно.

– Они спорят, – заметил Маладикт. – Это странно, вам так не кажется? В принципе сержант должен *командовать* капралом.

– Так мы побеждаем или нет? – спросил Зырький. – То есть я знаю, что идет война, и... нам ведь дадут оружие? И мы... ну, нас должны сначала чему-нибудь научить? Может быть, к тому времени война уже закончится? Все говорят, что мы побеждаем.

– Сегодня я попрошу Герцогиню о победе, когда буду молиться, – сказал Уолти.

Остальные переглянулись с одинаковым выражением лица.

– Ну да, Гум, – добродушно сказал Кувалда. – Ты помолись.

Солнце быстро садилось, полускрытое туманом. На грязной дороге посреди сырых полей вдруг стало очень холодно.

– Никто не говорит, что мы побеждаем. Разве что Страппи, – сказала Полли. – Просто все говорят... что все говорят, что мы побеждаем.

– Только не те солдаты, которых... чинил Игорь, – заметил Кувалда. – Они говорили: «Бедные вы дурни, делайте ноги, если хоть что-то соображаете».

– Спасибо, что поделился, – сказал Маладикт.

– Похоже, нас жалеют, – произнесла Полли.

– Я тоже, а ведь я – один из наш, – сказал Игорь. – Некоторые шолдаты...

– Эй, эй, хватит чесать языки, молокососы! – заорал Страппи, торопясь обратно.

– Капрал, – негромко окликнул сержант, забираясь на повозку. Страппи замолчал, а потом голосом, полным сладости и сарказма, продолжил:

– Прошу прощения. Мы с господином сержантом были бы весьма вам *признательны*, если бы вы, наши будущие отважные герои, соизволили продолжить вместе с нами эту приятную прогулку! Вот так! Финтифлюшки оставим на потом. Правое плечо вперед, девочки!

Полли услышала, как Кувалда ахнул. Страппи со зловещим предвкушением взглянул на него.

– Что, кому-то не нравится? Помяни мое слово, рядовой Холтер, тебе еще учиться и учиться. Ты, черт возьми, будешь сопливой девчонкой, пока мы не сделаем из тебя мужчину, ясно? И мне страшно подумать, сколько времени на это уйдет! Шагом арш!

Я знаю, сколько времени на это нужно, подумала Полли, когда они двинулись дальше. Десять секунд и два носка. Ну или один, если речь о Страппи.

Плотц был похож на Плюн, но еще хуже, потому что больше. Дождь зарядил опять, когда новобранцы вышли на вымощенную булыжником площадь. Полли подумала, что, наверное, здесь всегда непогода. Серые дома были в грязи понизу, из переполненных желобов на крышах

вода текла на булыжники, забрызгивая идущих мимо. И никого вокруг. Открытые двери хлопали на ветру, мусор носило по улицам. Она вспомнила толпу беженцев на дороге. В городе не осталось ни души.

Сержант Джекрам слез с повозки, а Страппи выстроил отряд. Сержант шагнул вперед, предоставив капралу злобно поглядывать с фланга.

– Вот он, прекрасный Плотц! – сказал он. – Запомните его на случай, если вас убьют, – тогда и ад не слишком удивит! Жить будете в казарме, вон там, это армейская собственность! – Он махнул рукой, указывая на полуразвалившееся каменное здание, которое больше всего походило на обыкновенный сарай. – Вы получите обмундирование и оружие. Завтра нам предстоит прелестный долгий переход до Кротца. Вы придете туда мальчишками, а уйдете мужчинами, *я сказал что-то смешное, Перкс?* Мне тоже кажется, что нет. Смирно! Это значит – стоять прямо!

– Прямо! – заорал Страппи.

Через площадь на усталом, тощем кауром коне ехал молодой человек, такой же усталый и тощий. Худобу подчеркивало то, что на нем был мундир двумя размерами больше, чем нужно. То же самое относилось и к шлему. Надо было набить его тряпьем, подумала Полли. Иначе один чих – и шлем съедет на глаза.

Офицер приблизился, и сержант Джекрам отсалютовал.

– Джекрам, сэр. Вы лейтенант Блуз, сэр?

– Да, сержант.

– Это новобранцы из верховий, сэр. Отличные парни, сэр.

Всадник окинул рекрутов взглядом, подавшись вперед, через голову лошади. Со шлема потекла вода.

– И это все, сержант?

– Да, сэр.

– Почти все они, кажется, чересчур юны, – сказал лейтенант, который и сам отнюдь не выглядел стариком.

– Да, сэр.

– И среди них тролль?

– Да, сэр. Верно подмечено, сэр.

– А этот, со швами на лбу...

– Игорь, сэр. Вроде как особое горное племя, сэр.

– Они умеют драться?

– Насколько я знаю, сэр, Игоря способны перебрать ребра кому угодно, – сказал Джекрам с каменным лицом.

Юный лейтенант вздохнул.

– Не сомневаюсь, они славные ребята, – сказал он. – Ну, солдаты...

– Стоять смирно и слушать, что говорит лейтенант! – заорал Страппи.

Блуза передернуло.

– Спасибо, капрал, – сказал он. – Солдаты, у меня хорошие новости, – добавил он, хотя его голос намекал на обратное. – Вы, наверное, думали, что придется провести неделю-другую в тренировочном лагере в Кротце? Я рад сообщить вам, что... что события развиваются так... так успешно, что вы немедленно отправитесь на передовую.

Кто-то ахнул, капрал Страппи захихикал.

– Все отправляются на передовую, – повторил лейтенант. – В том числе и вы, капрал. Пора вам наконец показать себя.

Хихиканье прекратилось.

– Простите, сэр? – переспросил Страппи. – На передовую? Но вы же знаете, что я... у меня особые обязанности...

– Приказ касается всех здоровых мужчин, капрал, – заметил Блуз. – Небось у такого... э... молодца, как вы, руки чешутся подраться, после стольких-то лет?

Страппи промолчал.

– Кстати, – продолжал лейтенант, что-то ища под промокшим плащом, – у меня для вас пакет, сержант Джекрам. Насколько я знаю, очень важный.

Джекрам осторожно взял послание.

– Спасибо, сэр, потом посмотрю... – начал он.

– Наоборот, сержант, – возразил Блуз. – Новобранцы должны это видеть, потому что вы, сержант, одновременно солдат и отец солдатам! Пусть видят, как brave воин получает награду... почетную отставку! – Блуз едва не причмокнул от удовольствия.

Не считая дождя, единственным звуком был шорох бумаги. Джекрам пухлым пальцем вскрыл конверт.

– О, – удивленно сказал он. – Отлично. Портрет Герцогини. У меня их уже восемнадцать. Ну надо же, и бумажка, в которой сказано, что это медаль. Похоже, у нас закончилось даже олово. О-о, а вот и приказ о моей отставке, и на нем оттиснута собственноручная подпись Герцогини... – Сержант перевернул и потряс конверт. – Жалованья за три месяца, впрочем, нет.

– Гип-гип ура сержанту Джекраму! – воскликнул лейтенант, обращаясь к дождю и ветру. – Гип-гип...

– Но я думал, нам дорог каждый солдат, сэр, – заметил Джекрам.

– Судя по пометкам, конверт следовал за вами не один год, сержант, – сказал Блуз. – Вы сами знаете военные порядки. Боюсь, это ваша официальная отставка, и я не могу ее отменить. Мне очень жаль. Но, во всяком случае, вам теперь нечего делать. Больше мы не будем посылать вербовщиков.

– Что? Но солдаты нужны всегда, сэр, – запротестовал Джекрам. – Я здоров и крепок, силен как конь...

– Вы – единственный, кто привел новобранцев, сержант. Вот как обстоят дела.

Сержант помедлил, а потом отсалютовал.

– Да, сэр. Очень хорошо, сэр. Я только посмотрю, как парни устроятся, сэр. Рад был служить, сэр.

– Можно спросить? – сказал Маладикт.

– К офицеру не обращаются напрямую, рядовой, – прикрикнул Джекрам.

– Ничего, пусть спрашивает, – сказал лейтенант. – В конце концов, время сейчас... необычное. Да, солдат?

– Я правильно понял, что мы отправимся в бой необученными, сэр?

– Ну... большинству из вас почти наверняка дадут пики, ха-ха, – нервно ответил сержант. – Чему здесь учиться? Просто нужно знать, за какой конец держать, ха-ха...

Судя по выражению лица, Блузу больше всего хотелось умереть на месте.

– Пики? – недоверчиво уточнил Маладикт.

– Ты слышал лейтенанта, рядовой Маладикт, – рыкнул сержант.

– Да, сэр. Спасибо, сэр, – вампир вернулся в строй.

– Еще вопросы есть? – спросил Блуз, окидывая отряд взглядом. – Прекрасно. Мы отправляемся последней лодкой, в полночь. Займитесь новобранцами, сержант... пока что. И что-то еще... ах да. Мне нужен «летун».

– Добровольцы в «летуны» к лейтенанту, шаг вперед! *Не ты, рядовой Маладикт!* – крикнул сержант.

Никто не двинулся с места.

– Ну же, – сказал лейтенант.

Полли медленно подняла руку.

– А что такое «летун», сэр?

Сержант невесело улыбнулся.

– Правильный вопрос. «Летун» – это, скажем так, слуга, который заботится об офицере. Подает еду, смотрит, чтоб он был одет как следует, ну и так далее. Таким образом, у офицера остается больше времени для исправного выполнения своих обязанностей.

Игорь выступил вперед.

– Вше Игоря привыкли приشلуживать, – сказал он.

Внезапно оглохнув и ослепнув – это умеют даже самые неопытные офицеры, – лейтенант не обратил на него никакого внимания. Он пристально посмотрел на Полли.

– Может быть, ты? – спросил он.

– Рядовой Перкс раньше служил в трактире, сэр, – подсказал сержант.

– Прекрасно. Приходи на постоянный двор в шесть, рядовой Перкс, я поселился там. Продолжайте, сержант.

Когда костлявая лошадь зарысила прочь, сержант Джекрам окинул отряд сердитым взглядом, но без особого огня. Он, казалось, действовал автоматически, тогда как его мысли где-то витали.

– Нечего тут торговать рожей! Обмундирование и оружие – на складе, идите и берите все, что нужно. Если хотите жрать, готовьте сами. Р-р-разойдись!

Отряд бросился в казарму, подгоняемый исключительно мощностью звука. Но Полли помедлила. Капрал Страппи не двигался с тех самых пор, как оборвался его смешок. Он тупо смотрел в землю.

– Все в порядке, господин капрал? – спросила Полли.

– Уйди, Пукс, – ответил капрал тихим голосом, и это было намного хуже, чем обычный недовольный ор. – Иди отсюда, слышишь?

Полли пожала плечами и зашагала вслед за остальными. Она успела заметить влажное пятно под ногами капрала.

Внутри царил хаос. Казарма представляла собой одну большую комнату, которая служила столовой, сборным залом и кухней, а в дальнем ее конце тянулись ряды коек. Здание пустовало и уже начинало разваливаться. Крыша протекала, вместо окон зияли дыры, на полу валялись сухие листья пополам с мышиным пометом. Ни караульных, ни дневальных не было. На покрытом сажей очаге кипел большой котел, и лишь его шипение и бульканье оживляли казарму. Некогда здесь устроили нечто вроде интендантского склада, но теперь почти все полки были пусты. Полли ожидала увидеть очередь и некое подобие порядка. Ну и, возможно, человека, который раздавал бы стопки обмундирования.

Происходящее больше всего напоминало дешевую распродажу: все лежавшее на столе не блистало новизной, и весьма небольшое казалось достойным обладания. Новобранцы ворошили вещи, которые можно было бы назвать товаром, если бы имелась хоть какая-то возможность найти на них покупателя.

– Это что? Один размер, и никому не подходит?

– На этом мундире кровь! Кровь!

– Да, от крови оштатуются упрямые пятна, их никак не вывешити без...

– А есть нормальные кольчуги?

– А, черт, в ней дыра от стрелы...

– Эта, здесь ничего не налазит на тролля!

Морщинистый старичок, стоявший за столом, содрогнулся от гневного взгляда Маладикта. На нем была красная форменная куртка скверного покроя, с вылинявшими и грязными капральскими нашивками на рукаве. Левую половину груди сплошь покрывали медали.

Одна рука заканчивалась крюком. Один глаз закрывала черная повязка.

– Лейтенант сказал, что мы будем пикинерами, – заметил вампир. – Это значит – меч и копье каждому, не так ли? И щит, если вдруг нас накроет ливнем стрел. И тяжелый шлем. Я не ошибаюсь?

– Ошибаешься! Какое право ты имеешь на меня орать? – поинтересовался старик. – Видишь медали? Я...

Карборунд протянул руку, поднял старого капрала над столом, поднес к лицу и кивнул.

– Ага, вижу, мистер. И?..

Воцарилась тишина.

– Поставь его на место, Карборунд, – сказала Полли. – Только аккуратно.

– Ета почему?

– У него нет ног.

Троль присмотрелся. А потом, с преувеличенным тщанием, поставил старого солдата наземь. Послышался легкий стук, когда две деревяшки коснулись пола.

– Звиняй, – сказал Карборунд.

Старик обрел равновесие и подхватил костыли под мышки.

– Ладно, – ворчливо сказал он. – Без обид. Но в другой раз – смотри у меня!

– Чушь какая-то... – Маладикт обернулся к Полли и широким жестом указал на груды лохмотьев и гнутого железа. – Этого барахла не хватит и на троих! Здесь даже нет приличных сапог!

Полли окинула взглядом стол.

– Считается, что мы хорошо экипированы, – сказала она одноглазому старику. – Что у нас лучшая армия на свете. Так все говорят. Разве Борогравия не побеждает?

Старик взглянул на нее, и Полли удивилась самой себе. Она вовсе не собиралась произносить подобных речей.

– Так говорят, – невыразительно ответил старик.

– А в-вы что скажете? – спросил Уолти, вытаскивая один из немногочисленных мечей – покрытый пятнами и зазубренный.

Капрал взглянул на Карборунда, потом на Маладикта.

– Я не д-дурак, – продолжал Уолти, краснея и дрожа. – Это все – в-вещи с м-мертвецов!

– Зачем же пропадать хорошим сапогам... – начал капрал.

– Мы – п-п-последние, да? – спросил Уолти. – Последние рекруты?

Безногий капрал посмотрел на дверь и убедился, что никто не спешит ему на помощь.

– Нам предстоит провести здесь всю ночь, – намекнул Маладикт. – Ночь! – повторил он, и старый капрал затрясся на своих костылях. – Кто знает, какая нечисть выйдет из мрака, неся смерть на бесшумных крыльях, в поисках беспомощной жертвы...

– Хватит, хватит, я видел твою ленточку, – перебил капрал. – Слушайте, парни, я закрою лавочку, как только вы уйдете. Я просто сижу на складе и, честное слово, больше ни о чем понятия не имею. Я получаю десятую часть жалованья, потому что у меня ноги, и все такое. И неприятности мне не нужны!

– И больше у вас ничего нет? – сказал Маладикт. – Чего-нибудь... припрятанного?

– Ты хочешь сказать, что я ворую? – с жаром спросил капрал.

– Скажем так – я готов предположить, что вы, вполне возможно, этого не делаете, – ответил вампир. – Ну же, капрал, вы сами сказали, что мы последние. Что вы там припрятали?

Капрал вздохнул, с удивительной скоростью направился к дверце и отпер замок.

– Зайдите и посмотрите, – сказал он. – Но здесь ничего хорошего...

И даже хуже того. Они нашли разбитый щит и несколько нагрудников, но один был расколот пополам, а другой представлял собой сплошную вмятину. В кладовке лежали гнутые мечи и пробитые шлемы, грязные кивера и рваные рубахи.

– Я сделал все, что мог, – капрал вздохнул. – Выпрямил вмятины и выстирал одежду, но угля для кузни не привозили давным-давно. Как починишь оружие без кузнеца? Новых вещей нет уже несколько месяцев, и вот что я вам скажу: с тех пор как гномы перестали поставлять нам сталь, мы получали только старый хлам... – Он вытер нос. – Конечно, вы думаете, что все интенданты – воры, и я не стану утверждать, будто мы не слизываем пенку, когда дела идут хорошо... но этот мусор? Здесь и таракану нечем поживиться, – он снова шмыгнул носом. – Мне самому не платили жалованья три месяца. Наверное, десятая часть – лучше, чем ничего, но философ из меня плохой.

Он вдруг просветлел.

– По крайней мере, жратвы полно. Если, конечно, вы любите конину. Лично я предпочитаю крыс, но о вкусах не спорят.

– Я не стану есть конину! – сказал Зыркий.

– Предпочтешь крысу? – спросил капрал, выходя из кладовки.

– Нет!

– Привыкнешь. Все вы привыкнете, – сказала одна десятая капрала с недоброй улыбкой. – Лопали когда-нибудь баланду? Нет? Нет ничего лучше миски баланды, когда живот подводит. В баланду можно положить что угодно. Свинину, говядину, баранину, кролика, цыпленка, утку... Даже крысу, если поймашь. Баланда – лучшая кормежка для солдата на походе. Я только что поставил котелок на огонь. Присоединяйтесь, ежели хотите.

Новобранцы слегка оживились.

– Звучит неплохо, – сказал Игорь. – Что там?

– Кипяток, – ответил капрал. – Так сказать, «голая баланда». Но, если только у вас не найдется чего-нибудь получше, через минуту туда добавится старая кляча. Сойдет и она, если подсыпать приправ. Кстати, кто из вас обхаживает руперта?

Они переглянулись.

Капрал вздохнул.

– Офицера, – объяснил он. – Их всех зовут Руперт, Родни, Тристрам или как-нибудь этак. Харч у них получше, чем у нас. «Летун» может слямзить что-нибудь на постоялом дворе.

– Слямзить? – переспросила Полли.

Старик закатил глаза.

– Слямзить, свистнуть, стянуть, позаимствовать, украсть, спереть, реквизировать, притирить. Ты и этому научишься, если хочешь пережить войну. Конечно, все говорят, что мы побеждаем. Не забывай, – он рассеянно плюнул в огонь, по чистой случайности не попав в котелок. – Те парни, которые возвращались по этой дороге под ручку со Смертью... наверное, они слегка хвятили через край, когда праздновали победу, э? Ничего не стоит остаться без руки, если неправильно открываешь бутылку *шумпанского*. Ого, да тут Игорь. Это вам повезло, чертенята. Жаль, что в нашем отряде не было какого-нибудь Игоря, когда я пошел в бой. Теперь древоточцы не мешали бы мне спать.

– Нам придется *воровать еду*? – уточнил Маладикт.

– Если угодно, можешь помереть с голоду, – сказал капрал. – Со мной такое сколько раз бывало. Бесперспективное занятие, скажу я тебе, – помирать с голоду. Когда нас занесло снегом под Ибблештарном, я съел ногу нашего сержанта. Все по-честному, до этого он съел мою... – он взглянул на лица новобранцев. – Ну не собственную же было есть!

– Вы *обменялись* ногами? – в ужасе спросила Полли.

– Ну да, мы с сержантом Хаузгердой. Это он додумался, разумный был мужик. Мы продержались целую неделю, а потом нас спасли. Уж как мы радовались... Ох, черт возьми, совсем забыл о хороших манерах. Как поживаете, парни, меня звать капрал Шкаллот, по прозвищу Три Куска, – он показал свой крюк.

– Но это же людоедство, – сказал Кувалда, попятившись.

– А вот и нет, по крайней мере, если ты не съел человека целиком, – спокойно возразил Шкаллот Три Куска. – Военное время, все такое.

Взгляды обратились на большой котелок, который булькал на огне.

– Конина, – заверил Шкаллот. – И ничего, кроме конины. Я же сказал. С какой стати мне вам врать, парни? А теперь *кипируйтесь* лучшим, что сумеете найти. Как тебя звать, монумент?

– Карборунд, – ответил тролль.

– Тут где-то был довольно приличный антрацит тебе на закуску. И ведро красной краски, потому как я до сих пор не встречал тролля, который хочет носить мундир. А остальные слушайте, что я скажу: набивайте жратвой пузо. Набивайте жратвой сумку. Набивайте жратвой кивера. Наливайте суп в сапоги. А если кто-нибудь случайно встретит горшочек горчицы, тащите его сюда. Просто удивительно, чего только не проглотить с горчицей. Заботьтесь о товарищах и держитесь подальше от офицеров, это народ небезопасный. Вот о чем надо помнить на войне. Враги не особо жаждут с вами драться, потому что они, в общем, такие же парни, как и вы, а значит, хотят разойтись по домам целыми и невредимыми. Но офицеры уж позаботятся, чтобы вас прикончили... – Шкаллот огляделся. – Ну вот, я выговорился. А если среди вас есть политический, пусть идет и доносит, и черт с ним.

На несколько секунд воцарилось смущенное молчание, а потом Полли спросила:

– Политический?

– Шпион, только среди своих, – ответил Маладикт.

– Точно, – сказал Шкаллот. – В наши дни такого держат в каждом батальоне. Он шпионит за своими товарищами. Зарабатывает повышение. Поняли? Нам не нужен раскол в наших стройных рядах, правда? И всякие там разговорчики, что мы, мол, проигрываем. Так вот, это все чушь собачья, пехтура всегда ворчит. Найдите мне такого солдата, который ни на что не жалуется... – капрал вздохнул. – Вон там койки. Я регулярно перетряхиваю шкрябки, так что, надеюсь, блох не слишком много, – он снова взглянул на вытянувшиеся лица. – Соломенные тюфяки, парни. Давайте, располагайтесь, берите что хотите. В любом случае, когда вы уйдете, я закрою лавочку. Мы уж точно побеждаем, если в армию стали брать таких молодцов, а?..

Когда Полли вышла из казармы, облака расступились, и ущербная луна залила все вокруг холодным серебряным светом. Стоявший напротив постоялый двор оказался очередным дрянным трактиром, где солдатам продавали скверное пиво. Не успела Полли войти, как изнутри пахло старыми помоями. Вывеска облупилась до неузнаваемости, но она все-таки разобрала название – «Мир вверх тормашками». Она толкнула дверь, и запах еще усилился. Трактир пустовал, Страппи и Джекрама тоже не было видно, зато Полли увидела слугу, который методично размазывал грязь по полу ровным слоем.

– Изви... – начала она, потом вспомнила про носки, повысила голос и попыталась говорить сердито: – Эй, где тут лейтенант?

Слуга взглянул на нее и ткнул пальцем в сторону лестницы. Там горела одна-единственная свечка. Полли постучала в ближайшую дверь.

– Войдите.

Она вошла. Лейтенант Блауз стоял в середине комнаты, в бриджах и рубашке, с саблей в руках. Полли слабо разбиралась в военном искусстве, но тем не менее догадалась, что именно эту щегольскую, вычурную позу склонны принимать начинающие фехтовальщики, прежде чем получить смертельный удар в сердце от опытного бойца.

– Перкс, если не ошибаюсь? – лейтенант опустил саблю. – Э... я просто разминаюсь.

– Да, сэр.

– Я сложил грязные вещи в сумку. Надеюсь, кто-нибудь здесь их выстирает. Что на ужин?

– Сейчас узнаю, сэр.

– А что едят солдаты?

– Баланду, сэр, – сказала Полли. – Возможно, из кони...

– Тогда принеси и мне. Мы, в конце концов, на войне, и я должен подавать пример подчиненным, – сказал Блуз, с третьей попытки загоняя саблю в ножны. – Это поднимает боевой дух.

Полли взглянула на стол. Там поверх стопки других лежала открытая книга. Судя по рисункам, учебник фехтования. Он был открыт на пятой странице. Рядом Полли заметила очки с толстыми стеклами.

– Ты умеешь читать, Перкс? – спросил Блуз, захлопывая книгу.

Полли помедлила. Но, в конце концов, чего бояться Оззи Перксу?

– Немного, сэр, – ответила она.

– Большую часть вещей, видимо, придется оставить здесь, – сказал Блуз. – Можешь взять что-нибудь себе, если хочешь.

Он указал на книги. Полли прочла заглавия. «Искусство воевать». «Основные принципы ведения боя». «Стратегия сражений». «Тактическая оборона».

– Это для меня тяжеловато, сэр, – сказала она. – Но все равно спасибо.

– Скажи, Перкс, – произнес Блуз, – боевой дух новобранцев... э... высок?

Он посмотрел на нее с искренней тревогой. Полли заметила, что у Блуза совершенно нет подбородка. Лицо переходило в шею, не встречая по пути никаких препятствий, зато кадык был просто фантастический. Он скользил по шее туда-сюда, как мячик на бечевке.

Полли стала солдатом всего два дня назад, но уже обзавелась инстинктом, который гла-сил: ври начальству.

– Да, сэр, – сказала она.

– Они получили все, что нужно?

Пресловутый инстинкт прикинул, велики ли шансы получить что-нибудь еще, если она скажет «нет».

Полли ответила:

– Да, сэр.

– Конечно, мы не вправе оспаривать приказы, – заметил Блуз.

– Я и не собирался, сэр, – ответила Полли, моментально смешавшись.

– Пусть даже иногда нам кажется... – начал лейтенант и снова замолчал. – Война – штука очень непостоянная, и ситуация может измениться в любой момент.

– Да, сэр, – сказала Полли, не сводя с него глаз. На переносице у лейтенанта виднелось пятнышко, натертое очками.

Казалось, Блуз тоже задумался.

– Зачем ты вступил в армию, Перкс? – спросил он, ощупывая стол и с третьей попытки находя очки. На нем были шерстяные митенки.

– Патриотический долг, сэр! – немедленно ответила Полли.

– Ты соврал насчет возраста?

– Нет, сэр!

– *Только* патриотический долг, Перкс?

Бывает ложь – и *ложь*. Полли неловко переступила с ноги на ногу.

– Я хотел узнать, что случилось с моим братом Полем, сэр, – сказала она.

– А-а...

На лице Блуза, и раньше не сиявшем радостью, появилось затравленное выражение.

– Поль Перкс, сэр, – подсказала она.

– Э... я вряд ли смогу тебе помочь, Перкс, – сказал Блуз. – Я служил... э... я занимался... э... у меня было особое назначение в штабе армии... э... я, разумеется, не знаю по именам всех солдат, Перкс. Он был старше... то есть он старше?

– Да, сэр. Записался в «Тудой-судой» в прошлом году, сэр.

– У тебя есть младшие братья?

– Нет, сэр.

– Честно говоря, это хорошо, – неожиданно сказал Блуз. Полли недоуменно наморщила лоб.

– Сэр? – уточнила она.

И вдруг ощутила какое-то неприятное движение. Что-то медленно ползло у нее по бедру, с внутренней стороны.

– В чем дело, Перкс? – поинтересовался лейтенант, заметив выражение ее лица.

– Ни в чем, сэр! Просто судорога, сэр. От ходьбы, сэр! – Полли ухватила обеими руками за колено и попятилась к двери. – Я сейчас пойду... и принесу вам ужин, сэр!

– Да, да, – Блуз не сводил взгляда с ее ноги. – Да, пожалуйста...

Полли задержалась за дверью, чтобы подтянуть носки и заправить один из них за пояс, а потом заспешила на трактирную кухню. Достаточно было оглядеться, чтобы понять все. Представление о гигиене здесь сводилось к тому, что повар по мере сил старался не плевать в кастрюлю.

– Мне нужны лук, соль, перец... – начала она.

Служанка, что-то мешавшая в закопченном горшке на закопченной плите, подняла голову, увидела, что к ней обращается мужчина, и поспешно отбросила мокрые волосы с лица.

– Есть рагу, сэр, – заявила она.

– Не надо. Мне нужны только продукты, – сказала Полли и добавила: – Для офицера.

Служанка ткнула черным пальцем в ближайшую дверь и одарила Полли тем, что, вероятно, считала кокетливой улыбкой.

– Берите все, чего вам надо, сэр, – сказала она.

Полли осмотрела три полки, удостоенные названия кладовки, и схватила две большие луковицы, по одной в каждую руку.

– Можно? – спросила она.

– Ой, сэр! – служанка захихикала. – Я прямо надеюсь, что вы не из тех грубых солдат, которые делают чего хотят с беспомощной служанкой...

– Нет, – ответила Полли. – Я не из таких.

Кажется, это был неправильный ответ. Служанка склонила голову набок.

– Вы часто имели дело с девушками, сэр? – поинтересовалась она.

– Э... да. Часто, – сказала Полли. – Очень часто.

– Правда? – служанка придвинулась ближе. От нее пахло потом и немного сажей. Полли выставила вперед луковицы, словно щит.

– А я думаю, ты бы не отказался кое-чему научиться... – проворковала служанка.

– А я думаю, ты бы предпочла кое-чего не знать, – сказала Полли и сбежала.

Выскочив на холод, в темноту, она услышала позади жалобный зов:

– Я буду свободна в восемь!

Капрал Шкаллот был в восторге. Полли подозревала, что такое случалось нечасто. Зырький пристроил у очага старый нагрудник, отбил до мягкости несколько кусков конины, обвалил в муке и принялся жарить. Рядом шипел лук.

– А я их обычно просто варю, – сказал Шкаллот, с интересом глядя на Маникля.

– Тогда весь вкус уйдет, – возразил тот.

– Ну, парень, мне доводилось есть такое, что ты и в рот бы не взял.

– Сначала надо все пожарить, особенно лук, – продолжал Маникль. – Получится вкуснее.

А уж если варишь – вари на медленном огне. Так говорит моя мама. Жарь быстро, вари медленно. Понял? Конина попалась не такая уж скверная, жаль ее просто варить.

– Чудно, – сказал Шкаллот. – В Ибблештарне мы бы с тобой не пропали. Сержант Хаузгерда был отличный парень, но, знаешь ли, жестковат.

– И маринад бы не помешал, – рассеянно произнес Зырский, переворачивая кусок мяса сломанным мечом. Он повернулся к Полли. – В кладовке больше ничего не было, Оззи? Я сделаю запас на завтра, если...

– Я больше не пойду на кухню! – заявила Полли.

– А, ты встретил Молли Пятки-Кверху? – Капрал Шкаллот поднял голову и ухмыльнулся. – Да уж, она порадовала многих парней...

Он сунул черпак в котелок с баландой. Там, прикрытое несколькими дюймами кипящей воды, плавало распавшееся на лохмотья серое мясо.

– Сойдет для руперта, – сказал он и взял грязную миску.

– Он хочет есть то же, что и мы, – заметила Полли.

– А, он из таких, – немилосердно отозвался Шкаллот. – Да, иные руперты, что помоложе, требуют наше варево, если начитаются дурацких книжек. Хотят с нами подружиться, сукины дети... – Он ловко сплюнул в промежуток между котелками. – погоди, вот пусть он попробует то, что мы едим.

– Но если мы едим жаркое с луком...

– Нет, не едим. Именно из-за таких, как он, – отрезал капрал, наливая серую жижу в миску. – Злобенские солдаты получают самое малое фунт говядины и фунт муки в день, а еще жирную свинину, масло и полфунта гороха. А порой даже фунт патоки. А мы едим черствый хлеб и то, что наворуем. Руперт будет жрать баланду и радоваться.

– Ни свежих овощей, ни фруктов, – пожаловался Зырский. – Суровая диета, капрал.

– Ну, когда начнется бой, меньше всего ты будешь думать о несварении желудка, – сказал Шкаллот. Он убрал с полки какое-то тряпье и достал пыльную бутылку.

– Руперт и этого не получит, – заметил он. – Я ее выудил из вещей офицера, который проезжал здесь последним. Но с вами я поделюсь, потому что вы славные парни. – Он с легкостью отбил горлышко бутылки о край очага. – Всего-навсего херес, но надраться можно.

– Спасибо, капрал, – сказал Зырский и щедро полил жаркое.

– Эй, не трать попусту хорошую выпивку! – потребовал капрал, хватаясь за бутылку.

– Наоборот, мясо будет еще вкуснее! – возразил Зырский, пытаясь отобрать херес. – Ну... елочки!

Половина спиртного выплеснулась в огонь, пока две руки перетягивали бутылку. Но вовсе не из-за этого у Полли возникло такое ощущение, что в голову ей воткнули железный штырь. Она оглянулась на остальных – никто, кажется, не заметил...

Маладикт подмигнул, едва заметным кивком указал на дальний угол и отошел первым. Полли последовала за ним.

Маладикт всегда находил, к чему прислониться. Расслабленно устроившись в тени и посмотрев на стропила, вампир сказал:

– Должен заметить, что мужчина, который умеет готовить, не становится от этого менее мужественным. Но мужчина, который вместо брани говорит «елочки»? Ты когда-нибудь слышала, чтобы парни так выражались? Нет. Ручаюсь.

Значит, это ты дал мне носки, подумала Полли. Не сомневаюсь, что ты знаешь мою тайну. А как насчет Дылды? Может быть, Зырский слишком хорошо воспитан... но одного взгляда на всезнающую улыбку Маладикта было достаточно, чтобы Полли удержала язык за зубами. И потом, если внимательно посмотреть на Зырого с мыслью о том, что, возможно, это девушка, становилось ясно, что так оно и есть. Мужчина ни за что не скажет «елочки!». Значит, в отряде три девушки...

– И насчет Дылды я тоже почти уверен, – сказал Маладикт.

– И что ты намерен делать? – спросила Полли.

– Делать? А зачем мне что-то делать? – поинтересовался тот. – Между прочим, я – вампир, который официально притворяется не вампиром. Я уж точно не вправе утверждать, что всякий обязан играть теми картами, которые ему сдали. Поэтому удачи... рядовому Маниклю. Но ты, пожалуй, при случае отведи его в сторонку и кое-что объясни. Э... по-мужски.

Полли кивнула, попытавшись изобразить понимание.

– Я лучше пойду и отнесу лейтенанту баланду, – сказала она. – И... черт возьми, я забыл про стирку.

– Я бы об этом не беспокоился, старик, – ответил Маладикт с улыбкой. – Если дела так пойдут и дальше, окажется, что Игорь – переодетая прачка.

В конце концов Полли сама взялась за стирку. Она сомневалась, что сумеет второй раз улизнуть от Молли, да и белья было не так уж много. Она развесила стиранное перед ярко пылающим огнем.

Конина оказалась на удивление сносной – но еще удивительнее была реакция Блуза. Впервые, он надел парадную форму. Полли и не подозревала, что можно надеть особый костюм лишь для того, чтобы сесть и поужинать в одиночестве. Блуз проглотил баланду и отправил денщика за новой порцией. Мясо уварилось добела, сверху плавала пена. Новобранцы гадали, как жилось бедняге раньше, если солдатская баланда пришлась ему по вкусу.

– Я о нем мало что знаю, – признал Шкаллот, когда на него посыпались вопросы. – Он здесь уже две недели. Так и рвется на войну. Привез с собой целую тележку книг. По-моему, типичный руперт. Все они только и ждали своей очереди, когда Борогравия ругалась с соседями. Сержант, который тут проезжал, сказал, что Блуз вообще никакой не солдат – просто штабной хилак, который ловко умеет считать.

– Прекрасно, – сказал Маладикт, который варил кофе, сидя у огня. Маленькая кофеварка булькала и шипела.

– По-моему, он плохо видит без очков, – заметила Полли. – Зато очень вежливый.

– Значит, недавно в офицерах, – заявил Шкаллот. – Настоящие офицеры, они такие: «Эй, ты! Лопни твои глаза!» Кстати, вашего сержанта, старика Джекрама, я знаю. Он везде побывал. Кто не знает старого Джекрама? Он был с нами, когда нас замело под Ибблештарном.

– И скольких он съел? – под общий смех поинтересовался Маладикт. Ужин удался на славу, и вина осталось по стакану на каждого.

– Скажем так, вернулся он оттуда не тоньше, чем был, – ответил капрал.

– А Страппи? – спросила Полли.

– Я его тоже раньше не видел, – сказал Шкаллот. – Злобный мелкий сукин сын. Небось политический. Куда он делся, почему бросил вас тут? Нашел уютный уголок в трактире?

– Надеюсь, он не б-будет нашим командиром, – сказал Уолти Гум.

– Он? А с какой стати?

Полли пересказала события вечера. К ее удивлению, Шкаллот рассмеялся.

– Они снова пытаются избавиться от старика Джекрама! Вот умора. Помяни мое слово, десятка гавейнов и рупертов не хватит, чтобы выдворить Джекрама из родной армии. Его дважды судили военным судом, и оба раза он вышел сухим из воды. Вы знаете, что он спас жизнь генералу Фракку? Он везде побывал, все про всех знает, и связей у него больше, чем у меня, – а у меня неплохие знакомства, парни. Если Джекрам завтра решит отправиться с вами, он так и сделает, и никакой хилый руперт ему не помеха.

– А почему же такой человек ездит вербовщиком? – быстро спросил Маладикт.

– В Злобении ему разрубили ногу, рана загноилась, и Джекрам, старый хрен, укусил костоправа, который хотел на нее взглянуть, – ответил Шкаллот. – Он сам ее очистил с помощью меда и личинок, потом выпил пинту бренди, зашил рану и неделю провалялся в горячке. Говорят, генерал Фракк разыскал его и приехал, когда Джекрам был еще слишком слаб, чтобы

спорить. Генерал велел ему год ездить вербовщиком и не стал слушать возражений. Даже сам Фракк не рискнул бы вручить Джекраму отставку, ведь однажды сержант протащил его на спине четырнадцать миль по вражеской территории...

Дверь распахнулась, и вошел сержант Джекрам, сунув обе руки за пояс.

– Не вставайте, парни, – сказал он, когда новобранцы виновато оглянулись. – Привет, Три Куска. Приятно видеть тебя почти целым и здоровым, ловкий ты плут. А где капрал Страппи?

– Я его весь вечер не видел, сержант, – ответил Маладикт.

– Он не заходил сюда с вами?

– Нет, сержант. Мы думали, он у вас.

На лице Джекрама не дрогнул ни один мускул.

– Понятно, – сказал он. – Слышали, что сказал лейтенант? Лодка отходит в полночь. В среду на рассвете нам нужно быть в низовьях Кнека. Постарайтесь поспать. Завтра будет долгий день, если повезет.

Он развернулся и вышел. Вой ветра прервался, когда дверь закрылась. «Нам нужно быть в низовьях Кнека», – мысленно повторила Полли. Один-ноль в пользу Шкаллота.

– Недосчитались капрала? – спросил Три Куска. – Теперь вот оно как, значит. Обычно ноги делают рекруты. Ладно, парни, вы слышали сержанта. Умывайтесь и ложитесь.

В казарме были умывальник и уборная, сооруженные кое-как, на скорую руку. Полли улучила минутку, когда они с Маникль оказались наедине. Она задумалась, как бы получше выразиться, но оказалось, что достаточно одного взгляда.

– Ты догадался, когда я вызвалась готовить ужин? – проямлила Маникль, пристально глядя на мох, выросший в раковине.

– Да, это наводило на мысль, – согласилась Полли.

– Многие мужчины умеют готовить! – горячо возразила Маникль.

– Да, но не солдаты и не с таким энтузиазмом. И без марины.

– Ты кому-нибудь сказал? – спросила Маникль, краснея.

– Нет, – ответила Полли – в общем, не покривив душой. – Слушай, у тебя хорошо получалось, мне бы ничего и в голову не пришло, пока ты не сказала «елочки».

– Да, да, знаю, – шепнула Маникль. – Я научилась рыгать, ходить по-дурацки и даже ковырять в носу, но меня не так воспитывали, чтобы я сквернословила, как вы, парни!

Мы, парни, подумала Полли.

– Мы грубые распущенные солдафоны, – заметила она. – Либо ругайся – либо уходи. Э... а зачем ты вообще пошла на войну?

Маникль рассматривала сырую каменную раковину, как будто странная зеленая слизь и в самом деле очень ее интересовала. Она что-то пробормотала.

– Что-что? – переспросила Полли.

– Я ищу своего мужа, – чуть громче повторила Маникль.

– О боги. И давно вы женаты? – без задней мысли спросила Полли.

– Мы не успели... – пискнула Маникль.

Полли посмотрела на ее пухлую фигурку. О боги, боги. Главное – не терять головы.

– А ты не думаешь, что...

– Только не говори, что я должна вернуться домой! – сказала Маникль, резко оборачиваясь. – Там меня не ждет ничего, кроме позора! Я не вернусь! Я пойду на войну и найду его! И никто мне не помешает, Оззи! Никто! Так уже бывало, и все закончилось хорошо! Об этом даже в песне поется!

– О да, – сказала Полли. – Да. Помню.

Менестрелей нужно убивать.

– Кстати говоря, вот это тебе наверняка пригодится...

Она достала из сумки скатанные в трубочку шерстяные носки и молча протянула Маникль. Полли понимала, что рискует, но чувствовала некоторую ответственность за человека, который подчинился внезапной прихоти, не озаботившись планом.

По пути к своей койке она заметила Уолти Гума, который вешал маленький портрет Герцогини на крючок в облупленной стене, прямо над изголовьем. Он воровато огляделся, не заметив Полли в потемках, и быстро сделал перед портретом книксен. Вместо поклона.

Полли нахмурилась. Четыре. Впрочем, она почти не удивилась. Но у нее осталась только одна пара чистых носков. Скоро всему отряду придется надевать сапоги на босу ногу.

Полли умела определять время, глядя на огонь. Рано или поздно учишься угадывать, давно ли он горит. Поленья в очаге покрылись серым пеплом, но под ними рдели угли. Полли сообразила, что время подходит к полуночи.

Судя по звукам, никто не спал. Полли два часа пролежала на хрустящем соломенном тюфяке, глядя в темноту и прислушиваясь к движениям под своей спиной. Она бы вообще не стала вставать, но какое-то существо, скрытое в соломе, попыталось отодвинуть ее ногу в сторону. И вдобавок пришлось обойтись без одеяла. В казарме были одеяла, но Три Куска предупредил, что лучше их не брать, если не хочешь заразиться чесоткой.

Капрал оставил зажженную свечу. Полли перечитала письмо брата и еще разок взглянула на клочок газеты, подобранный на дороге. Слова обрывались, и Полли сомневалась, что все поняла правильно, но ей не нравилось само звучание. «Вторже» было особенно неприятно.

Она сохранила и еще один клочок бумаги. Полли была не виновата, это произошло по чистой случайности, когда она стирала белье Блуза, – разумеется, предварительно вывернув карманы. Всякий, кто однажды пытался расправить разбухшую и полинявшую бумажную сосиску, которая некогда была банкнотой, не захочет проделать это вторично. В кармане лейтенанта Полли нашла сложенный листок. Разумеется, не обязательно было его разворачивать, а если уж развернула – то не обязательно читать. Но некоторые вещи случаются сами собой.

Видимо, Блуз сунул письмо в карман рубашки и забыл, когда переодевался. Не было никакой необходимости перечитывать его теперь, но Полли, при свете свечи, все-таки это сделала.

Дорогая Эмелина, меня ждут Слава и Удача. Прослужив в чине младшего лейтенанта всего восемь лет, я получил повышение, и мне дали отряд. Теперь в Департаменте постельного белья и фуража не останется офицеров, но я разъяснил капралу Дреббу суть новой системы делопроизводства. Не сомневаюсь, он справится.

Конечно, я не могу входить в подробности, но, по-моему, у меня появилась отличная перспектива. Мне не терпится «ринуться на врага». Я достаточно смел – и надеюсь, что имя Блузов войдет в анналы военной истории. Пока что я освежаю в памяти «приемчики» и убеждаюсь, что все помню. Более того, после повышения мое жалованье увеличилось на целый шиллинг в день плюс три пенса на фураж. В связи с этим я приобрел «скакуна» у мистера Честного Джэка Слэкера, очень забавного джентльмена, хотя, боюсь, он несколько преувеличил, описывая «статус» моего коня. Тем не менее я «продвигаюсь», и, если Судьба улыбнется мне, скоро наступит день, когда

К счастью, на этом послание обрывалось. После некоторых размышлений Полли осторожно смочила листок водой, быстро высушила у потухающего огня и сунула в карман выстиранной рубашки. Она сомневалась, что Блуз выругает ее, даже если заметит, что денщик не вынул письмо перед стиркой.

Итак, счетовод и изобретатель новой системы делопроизводства. Восемь лет в чине лейтенанта, и это в военное время, когда повышают быстро. Человек, который заключает в кавычки любое слово, которое кажется ему хоть немного «просторечным». Новичок-фехтовальщик. Такой близорукий, что он купил лошадь у Джека Слэкера, подбиравшего свой товар на ярмарочных свалках и продававшего наскипидаренных старых одров, у которых отваливались ноги, прежде чем покупатель успевал добраться до дома.

И это наш командир.

Борогравия терпела поражение. Все это знали, но никто не говорил. Как будто людям казалось, что ничего не случится, если не произносить страшное слово вслух. Борогравия проигрывала войну, и их отряд, необученный и необстрелянный, обутий в сапоги, снятые с мертвецов, мог лишь приблизить финал. Половина новобранцев – девушки! Из-за какой-то идиотской песенки Маникль отправилась на войну искать отца своего будущего ребенка – даже в мирное время это рискованная затея. Дылда потащилась вслед за возлюбленным – да, очень романтично, но только до начала боя. А она...

...ну да, Полли тоже знала ту старую песню. И что? Поль был ее братом. Она всегда за ним присматривала, даже в раннем детстве. Мама работала не разгибаясь – как и все в «Герцогине», – поэтому Полли стала старшей сестрой для брата, который родился полутора годами раньше. Она учила его сморкаться и выводить буквы; когда мальчишки, склонные к жестоким развлечениям, завели Поля в лес, она отправилась его искать и нашла. Всюду бегать за братом было ее обязанностью – а потом вошло в привычку.

Ну... и не только поэтому. После смерти отца «Герцогиня» перейдет к другой ветви семейства, если в роду Полли не будет мужчины, способного унаследовать трактир. Так гласил закон, коротко и ясно. Нугган утверждал, что мужчины должны наследовать «мужское добро», то есть постройки, деньги и домашний скот, кроме кошек. Женщинам дозволяется наследовать «женское добро» – в основном мелкие ювелирные украшения и прялки, которые передавались от матерей к дочерям. Женщина уж точно не может стать владелицей большого процветающего трактира.

«Герцогиня» перейдет к Полю, если он жив; в противном случае трактир достался бы мужу Полли, будь она замужем. Поскольку замужество на повестке дня не стояло, Полли обязана была найти брата. Поль до конца жизни радостно таскал бы бочонки с пивом, а она бы заправляла «Герцогиней». Но если она останется одна, без мужчины, то трактиром завладеет пьяница-кузен Влопо, и лучшее, что ей светит, – зыбкая возможность жить в «Герцогине» из милости.

Но все это были не *главные* причины. Хотя, несомненно, причины. *Главная* заключалась в самом Поле. Она всегда находила брата и приводила домой.

Полли посмотрела на кивер, который держала в руках. В кладовой были шлемы, но, поскольку на них зияли дыры от стрел или огромные прорубы, новобранцы молча предпочли кивера. Если нам так и так суждено умереть, по крайней мере, зачем наживать головную боль. На кивере красовался полковой знак – пылающий сыр. Может быть, когда-нибудь она узнает, в чем смысл эмблемы. Полли надела кивер, взяла ранец и стирное белье и вышла в темноту. Луна скрылась, снова появились облака. Перебегая площадь, Полли вымокла до костей: дождь шел горизонтально.

Она толкнула дверь и при свете одинокой оплывшей свечи увидела... хаос. На каменных плитах пола валялась одежда, шкафы стояли открытыми. С лестницы, держа в одной руке саблю, а в другой фонарь, спускался Джекрам.

– А, это ты, Перкс, – сказал он. – Эти сукины дети собрали пожитки и удрали. Даже Молли. Я слышал, как они уходили. Судя по звуку, толкали тележку. А ты что тут делаешь?

– Я денщик, сэр, – сказала Полли, стряхивая воду с кивера.

– Да. Точно. Ну так иди и разбуди лейтенанта. Он храпит как сто чертей. Надеюсь, проклятая лодка еще здесь.

– Почему эти су... эти люди удрали, сержант? – спросила Полли и подумала: елочки! Я тоже не могу ругаться, если на то пошло! Но сержант, кажется, не заметил.

Он обратил на нее взгляд человека, который «повидал жизнь». Судя по этому взгляду, сержант Джекрам был лично знаком с динозаврами.

– Скорее всего они о чем-то прослышали, – ответил он. – Хотя, конечно, мы продолжаем побеждать.

– А. Да. И не ожидаем никакого вторжения, я так понимаю, – сказала Полли, с тем же преувеличенным тщанием выбирая слова.

– Вот именно. Ненавижу вероломных предателей, которые внушают нам, что с минуты на минуту в нашу страну может вторгнуться чужеземная армия, – подхватил Джекрам.

– Э... вы не видели капрала Страппи, сержант?

– Нет, но я еще не под всеми камушками поискал... Шшш!

Полли застыла и обратилась в слух. Послышался стук копыт – он становился все громче и громче, из глухих ударов превращаясь в звон подков по мостовой.

– Кавалерийский патруль, – шепнул Джекрам, ставя фонарь на стойку. – Шестеро или семеро...

– Это наши?

– Сомневаюсь, черт возьми.

Стук копыт стал медленнее, и наконец лошади остановились.

– Заговори им зубы, – велел Джекрам, протянул руку и задвинул щеколду, а потом вернулся и спешно зашагал в дальнюю комнату.

– О чем мне с ними говорить, сержант? – шепотом спросила Полли.

Но Джекрам исчез. Полли услышала бормотание снаружи; в дверь громко постучали.

Она сбросила мундир, скинула с головы кивер и засунула его под стойку. Теперь, по крайней мере, она перестала быть солдатом. Когда дверь затряслась под ударами, Полли увидела на полу среди разбросанных вещей нечто белое. Какое искушение!..

Дверь распахнулась со второго удара, но солдаты не спешили заходить. Лежа под стойкой и натягивая юбку поверх закатанных штанов, Полли по звукам угадывала, что происходит. Судя по шороху и стуку, всякий, кто встал бы за дверью и попытался устроить засаду, горько пожалел бы об этом. Она попыталась сосчитать пришельцев. Их было, самое малое, трое.

Полли испугалась, когда напряженную тишину прервал голос, заговоривший обыденным тоном:

– Мы слышали, как вы задвинули щеколду. Значит, здесь кто-то есть. Не усложняйте себе жизнь. Нам неохота искать вас по углам.

Мне тоже не хочется, чтоб вы меня искали, подумала Полли. Я не солдат. Убирайтесь отсюда. Но тут же она спохватилась: что значит «я не солдат»? Ты взяла шиллинг и поцеловала Герцогиню!

Внезапно за стойку нырнула рука и схватила ее за шиворот. По крайней мере, Полли ничего не пришлось делать самой.

– Не надо, сэр, пожалуйста! Не бейте меня! Я просто испугалась! Пожалуйста!

Но носки немедленно дали о себе знать. Они пристыдили Полли и внушили желание сопротивляться.

– Ты кто такая? – спросил кавалерист, ставя ее на ноги и разглядывая, как экспонат на выставке.

– Полли, сэр. Служанка, сэр. Все сбежали и бросили меня!

– Не ори, девчонка!

Полли кивнула. Меньше всего ей хотелось, чтобы Блуз примчался сюда с саблей в одной руке и «Фехтованием для начинающих» в другой.

– Хорошо, сэр, – пискнула она.

– Служанка, говоришь? Налей-ка три пинты вашего так называемого самого лучшего.

По крайней мере, здесь Полли могла действовать машинально. Она видела кружки под стойкой, а бочонки стояли за спиной. Жидкое пиво было едким на вкус, но вряд ли способным растворить пенни.

Кавалерист пристально наблюдал за ней, пока она наполняла кружки.

– Куда подевались твои волосы? – спросил он.

Полли была к этому готова.

– Их отрезали, сэр, за то, что я улыбнулась злобенскому солдату, сэр.

– Здесь?

– Нет, сэр, в Дроке, – это был пограничный город. – Матушка сказала, что я опозорила семью, и меня отослали сюда, сэр.

Руки у нее дрожали, когда она ставила кружки на стойку. Полли даже не понадобилось притворяться. Но самую капельку она все-таки притворялась.

Ты ведешь себя как девчонка, подумала она. Так держать.

Теперь она рассмотрела чужаков. Один стоял у разбитого окна, двое наблюдали за ней. Темно-синяя форма, высокие сапоги и тяжелые кавалерийские шлемы. У злобенца, который смотрел на нее с глубочайшим подозрением, были сержантские нашивки. Тот, кто вытащил Полли из-за стойки, был в чине капитана.

– Мерзкое пиво, девочка, – заметил он, нюхая кружку.

– Да, сэр, знаю, сэр, – выпалила Полли. – Они не слушали, сэр, когда я говорила, что не надо закрывать бочонки сырой простыней в такую погоду, а Молли никогда не моет затычку...

– Ты знаешь, что в городе пусто?

– Жители разбежались, сэр, – немедленно отозвалась Полли. – Все говорили, что будет вторжение. Люди вас боятся, сэр.

– А ты, гляжу, не боишься? – спросил сержант.

– Как тебя зовут, девушка, которая улыбается злобенским солдатам? – поинтересовался капитан.

– Полли, сэр, – ответила Полли. Ее рука наконец нащупала то, что искала. Друг трактирщика. Есть под каждой стойкой.

– Так ты боишься меня, Полли? – спросил капитан. Стоявший у окна солдат захихикал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.